

С М И Е Ш И А

15-16

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Классик литовской литературы Майрисю посвящает Вильнюсу следующие строки:

«В суровой анжисской борьбе,
Литовец, Вильнюс не забудь!
Там пролегли твоих отцов
И будущее таят твои».

Эти слова живы в памяти литовского народа, для которого его древняя столица — символ национальной возрождености, очаг национальной культуры.

Три долгих года хранили гитлеровцы в оккупированном, но не покоренном Вильнюсе. Три года немские захватчики грабили, разрушали город, жестоко уничтожали его население. Им отступом были члестные выстрелы народных мстителей, взрывы, дачерства, саботаж.

Сейчас Вильнюс снова свободен. Это первая из столиц прибалтийских советских республик, освобожденная Красной Армией от фашистских нагадаков.

Мы ищутся фотоснимки, сделанные в Вильнюсе вскоре после изгнания немцев. На снимке внизу слева — отважные партизаны-комсомольцы Искра направил М. Н. Лукьяков, А. В. Иванов и А. Ф. Шамичев из отряда действовавшего в районе литовской столицы. На боевом счету у них больше десяти гитлеровцев под отягощенными анжисскими, десятки уничтоженных гитлеровцев. Комсомолец М. Лукьяков, без заданной славы, вышел из ковчежского тунна около 70 сверев, вооружил их и организовал из них партизанский отряд.

После освобождения в городе мост через Вилиню (второй спящее справа), жители вынуждены переходить реку по временному деревянному мосту. Мост будет в становлен, так же как восстанавливается, приходится в порядке сейчас ие разрушенные оккупантами (спящие слева).

На верхних фото — уголки Вильнюса: старинный собор в центре города и вид на реку Вилиня.

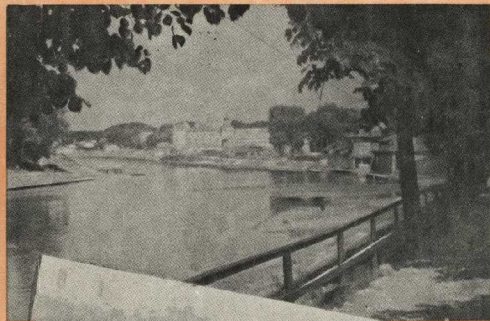

Фото Ю. Меслякина.

№ 15—16

Август

1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХОУЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Екатерина Швелёва

ПОБЕДА

Сражения последние минуты.
 Ещё черны от дыма небеса.
 Наполнены деревья ветром лютым,
 Как буйные большие паруса.
 Ещё, наверно, запылает чаща,
 И вражьи прахом будет луг примят.
 Но с листьев влажных и с ветвей шумящих
 Слетает крепкий, сладкий аромат.
 И вьётся пряжа белой повилини,
 И посветлели облаков края,
 И солнца ждёт весь этот мир великий,
 Огромное дыханье затая.
 Огнём и дымом воздух исконеркан,
 И слышен боя яростный раскат,
 И ждёт весь мир победы Человека,
 И ею мы живём, она близка.

Фотограф Б. Ярославцева

Рассказ

Рис. Г. Балашова

Наконец я прочёл в газете о бригаде на валеообойщик Евракия Прохорину. Женщины-шахтёрки выдали на-гора двести двадцать шесть тонн угля в месяц сверх плана. И я сразу вспомнил невысокую белокурую девушку с милкими чертами красивого, но очень выразительного, но удивительно спокойного лица.

Евракия работала на Бумажном комбинате в Красногорске, в шахте шпиртпротекса, фальшовойщели. Десять девушек сидели в лампной комнате за высоким столом, уставившимся прощельскими ртутьными. Это было удивительно на Северном Урале, но флюидионны, кактусы, пальмы, вьющиеся вьющи, которые взбегали по шпуров и потоку, как облака зелёного дыма, ослепляли с белыми душистыми цветами. Это огромные кусты чабных роз — весь этот цветущий лес увлажнял воздух бумажного неха, освежал шпуровщачи, звонико алым фальшовой бумяти. Бел растений на бумажном производстве трудно работать. Эта растительная завеса всевозможных оттенков — от матовоголубого до кобальтово-синего цвета — делала нех пожимим на ботанический сад, а кругом была тяжёлая, северная зима.

Девушки пели за работой, спокойной и чистой. И мне всегда казалось, что для Евракия эта работа является призванием и удовольствием. Тем более поразило меня известие, что Прохорина решила поехать на работу в угольный район.

Секретарь райкома Саламатов, прочитав заявление Прохориной, сухо сказал:

— Не поедешь, нечего тебе там делать. Может быть, он ждала ещё счита, что подземная, тяжёлая работа придётся не по силам этой невысокой, хрупкой на вид девушке во всяком случае, он не пожелала отпустить Евракия.

Она стояла перед ним, беспомощно опустив руки, не находя возражений. Саламатов, недоброво посмотрев на неё, сказал:

— Какой же из тебя шахтёр выйдет? Ты и обухок не поможешь.

— Поиним! — сердито сказала Евракия, покраснев почти по-детски.

Она хотела ещё что-то сказать, но Саламатов отвернулся, сделав вид, что очень занят.

Осеню сорок третьего года я надолго задержался в Кизиле. И здесь, на шахте № 6, я снова встретил Евракия Прохорину. Она стояла впереди группы из нескольких девушек и женщин, восторженно улыбаясь.

— Как же вам удалось уехать? — спросил я её.

— По второй мобилизации, — ответила девушка. — Подала заявление в обком

партии. Товарищ Саламатов сказал, что бы написала, если куда поеду.

Измакнула рукой, как бы обозвав эту последнюю ниточку, связывающую её с комбинатом.

Тёмные горы окружали котловину, в которой находилась шахта. Дожик шахтёров кривобокий по слоному гор, пендалься друг друга кривыми заборами. Тёмно, словно закопчённое небо нависало над по-сёком, над шахтными зданиями. Евракия огляделась. Невесело было вокруг: всё чёрное, задымленное, нет толкусь реки, нет красных гор, синих асанов, которые окружали Красногорский комбинат. Ей вдруг захотелось оказаться снова в зелёных, цветущих нехах комбината. И, чтобы утешить себя, она подумала о том, что сама добилась права поехать сюда: здесь она будет ближе к фронту, к войне, на которой потерялись отец и брат, может быть, они погибли, и ей надо завершить все их дела...

Вечером парторг Масин пригласил новеньких в клуб. Девушки переоделись в шапковые платья и пошла на концерт. Евракия села в уголок. Она была полна какого-то тревожного ожидания, как будто здесь, в новой обстановке, она должна найти и новое счастье.

И вдруг мимо неё прошла этакая паренё-солдат, от одного появления которого стало жуть в груди. Парень озирает её взглядом, повёв пальцем, улыбаясь и присел рядом. Евракия встретила его с каким-то трепетным сердцебиением. Не было ещё случая, чтобы кто-нибудь тронул её душу, в этот момент вальсуют — и она как бы пригласилась под звуки его тела и смеха.

— Что-то я вас здесь не встречала, — небрежно съезжал парень, — яли делегатка какая-нибудь?

— Делегатка, — дрогнувшим голосом ответила Евракия и улыбнулась.

— То-то и есть, что на наших черёпных непохожи, — улыбнулся и парень.

Ничего комментировать, но Евракия больно слышала несмелого и разбитого соседа. Пётр Игнашин — так звали нового знакомого — провозжал её домой. Она долго гнала по прихитным домам. Пётр рассказывал о своей работе, горевал, о форсом посмеивался, над тем, что боится шахтёрской жизни, уснащая свою речь словечками из подземного бита, хвастаясь своим профессиональным безстрашием.

— Что под землей, что на небе — жизнь копеечку стоит, — говорил Пётр. — Лёгчик с неба падает, а на горякя все земля-матюшка рушится. Я иду и подрываю стойки, а за мной вся земля свалиется: вот, может, и этот дом на ней стоит, может, вой и то сорок — а мне нестрашно.

Евракия слушала, как зачарованная, смотрела на чёрное озеро в котловине: оно гудело шумом от ветра, а Евракия думала о шахтах, что проложены под озером, о воде, которая вдруг может хлынуть в шахты в тот час, когда Пётр безстрашно идёт по отработанному участку, взрывает и выводит стойки, обрушивая за собой тяжёлые гамбы породы...

— Эй, Пётр, брось каалоши заливать, морозы настали! — перебила разговорчивого парня какой-то худощавый, маленький старик, обочававший их и близко заглянувший в лицо Евракия.

Пётр смутился, наскоро попрощался, уловился о встрече назавтра и ушёл.

Евракия раздумала полурты в пять часов утра. Командант пришёл за ними, проводил до шахты, указав в банд. Девушки замесились, что новая жизнь на шахте — совсем другим промом. Виндича вычлела им мужские боты, вступилась, бридала им резиновые сапоги. За дверями слышались грубые голоса неважно спавших людей: шахтёры горючили девушки, которые задержались с переодельными. Из банд девушек пролом в ламповую. Там им вручили тяжёлые аккумуляторы лампы и шахтёрские пламе. Старый мастер, порча на мешкающих и нежелательно ступившая девушка, приняла их по стёгу. Это удивило и ещё больше напугало их.

На седьмом горизонте больше работать, в мой бригаде, — сказала он шумро, как будто зряное знаа, что ничего путного из их работы не выйдет.

Евракия уже было известно, что седьмой горизонт — самый глубокий: вчера Масин подробно объявила им расположение шпуров и шахты. Горный мастер быстро пошёл вперед, подползавшая своей лампой, чтобы идущие за ним видели вытиски и поточное крепление. Шахта на седьмом горизонте была, вступилась, спускалась вниз под крутым углом. Девушки горючили шли за своим проводником, пригласившись и сырны стенам, прислушавшись к журчанию струёкам водоотливных кивков, к разнообразному звуку подземелья. Они быстро устали, а между тем мастер всё шёл, не оглядываясь, не пождывая их. Приходилось поспевать за ним почти без электропроводки, о трубах съехавшего воздуха, через которые надо перелезает, высоко поднимая ноги.

Они пересекали ордия за другим высоким, хорошо освещённым шпуром и, выходя на поверхность, услышали шумящий девушек злыающим грохотом решётка, гудением врубовой машины. Они испуганно глядели на чудовищную металлоемкую черешку, которая подгравала угольный пласт вынутым кубом. Осоло машинный стол чумазый парень и управлял ею. Евракия поняла, что это и есть врубовка. А под ногами у девушек гудели и беспрерывно трясались железные листы, по ним ступали и стекала вниз по спуску шпурка разбитый уголь — решётками называемое это устройство. Мастер остановился, осветила фонарём их испуганные и уже замыванные лица, сердито сказал:

...Евракия больно слышала несмелого и разбитого соседа.

— Пришла... Не знаю, какие из вас работчицы будут, уже запылились...

Врубовая машина остановилась, чумазый подвёг гайку!

— Э, девка, да ты тоже из наших чёрнышек? А какие вечерки у вас!

Евпрасия проглотила слёзы, подступившие к горлу. Ну, нет! Она себя покажет. Вырубавшая, зато склеивала мастеру, захохотавшему над шуткой Петра.

— Если вас учить начнём, так учить, смеяться после будете.

Из тесноты вынырнула ещё какой-то шахтёр, поднёс лампу к лампе Евпрасии — она узнала старика, что ночью оборвал Петра. Старичок серьёзно сказал:

— Так их, так, девушка! Хорошая хозяйка цыплат считает по осени, а работница гуляет за ужином. А на зпоро гадского аладья, что сказки вечера рассказывает, внимания не обращай. Работать будете в моём взресе, берите лопаты.

Евпрасия признательно взглянула на старика, хотела поблагодарить его, сказать ему, что никогда она не грубияла старшим, но такая уж она бесстыдная, но старик уже свистнул, расставая девушек по местам.

— Вот он, уголёк-батушка. Бери его на лопату да на решётку. Как десять тонн набросешь, так и лопы, а так ещё тонну — две броснешь, — смотришь, какому-нибудь сверхлюдиному немцу как будет. Всё одно за одно целаясь: уголёк да руда, да побольше груза, — глэдшиш, и немцы вон побоят и мы из шахты вылезете вонючие востричь, свалды предановать!

Говорил Васос скандно и легко; сам был маленький и сухонький, ловко орудовал лопатой, следил за конвейером, и на каждую загруженную вагонетку у него была своя поговорка:

— Вот ещё три тонечки, чтоб гудели тачеки.

Евпрасия замесалась над хитрой поговоркой старика. Он всё время приглумывал несоборные слова, аскандальное извращение, прозвуча для инструмента, для крепёжника, который подавал в шпрек надо занять мисей девушек простыми шутками, пока они привыкнут, а там уж ничто не случит их.

Приняв крепёжники, влоача тяжёлые работы отваливались около девушки, январьская попутить над ними, но старик сердито отогнал их. Бурильщик, отгрохотав перфораторным молотком, выткнул буры, причётова, шуры для взрыва; затем он вынул запальник, протянул провода, заложил патроны акумулята. Старик приказал собрать лопаты, отойти подальше, оберегав от взрыва. Гудло грохотнуло взрывом, Старик по привычке отсчитал их, сказал:

— Вот счёт тут не суйтэсь! нервно кини шуру оставшись нездоровым, поемеланд да и равни!

— Э, девка, да ты тоже из наших чёрнышек?

Евпрасия увидела кучи взорванного угля, гальбы, повешен на головах. Старик дерко подвёл лопату к ним — они ослепали. Мужички переносили решетки; сверху опять пошла врубовка. Евпрасия стаа к решётке и принялась подбрасывать уголь, отчищая площадку для врубовой машины. Но когда врубовка подошла, оказалось, что на ней работат уже другой машинист. Он пореялся с ними, крикнул:

— Эй, Васос! Привет тебе от Петра Ивановича, пошёл за болезнью. Вчера, говорит, погулял лишку — спать захотелось.

Евпрасия оглянулась на старика. Васос стоа отвернувшись, как будто не слышал. Она подошла к нему, спросила:

— А на машине можно научиться работать?

— В нашем деле всё можно, девушка, что нужно... Влоела спина, ныли руки. Она болела подумать о том, что придётся ещё идти шесть километров по шпреку, прежде чем попадётся домой. Но Васос погорелкивал, и хотя девушка всё чаще прискиривалась отдохнуть, она старалась держаться.

Две недели подряд их звено стоало на последнем месте. Не было было проходить мимо клетчатой доски показывался, стыдно смотреть в глаза Мяснину, мастеру, Васову. Старик ворчал, но упорно продолжал учить молодых шахтёров. Две девушки ушли из бригады, устроились наверху. Мяснин приказал Евпрасии работать в конторе. Васос, слышавший этот разговор, сказал:

— Иди, иди, девка, на солнышке-то всё потелеет...

Евпрасия косо посмотрела на старика, сказала:

— Тебе бы к Иваншину в пару...

С этого дня старик стаа ещё ласковее к ней, показывая, как можно работать лопатой, экономя силы, хваля, когда после работы она оставалась с мшишником врубовой, пытаясь понять сложное устройство машины, режушей твёрдый уголь, саомо мисасо.

Оставшая земля, прилетела снегири, сверкала на холодном солнце своим яркославным оперением, возвещая близость снетавья. А бригада попрережню не выполояла своей павет. Утомлённые шахтёры молча аждивались в постель. Обочились душевные разговоры, с которых началось знакомство девушек между собой.

Петр Иванович при встрече вспомнило уайбалас, бросал заше речники про синицу, что хвалялась синером зажечь. Евпрасия молчала, думала про себя: «Вот так парень-солнце, на слабый силу показывается. Но к такому привыклась она, когда хвалялась она, не к такому привыкла у себя на комбинате. Там была другая жизнь, другая работа, там же была за одноа, а тут вот этот парень, показывший ей вначале тащички хоросим... И с чего бы ему зашис на Евпрасию?»

Чем больше она думала о комбинате, тем тяжелее казалась работа. Да ведь она не побегит, сама она сюда пошла, никто не заставлял. Нет, тут что-то не то, надо крепко подумать...

Перед подбрёским празником Евпрасия сознала подрут в своей комнате — теперь они жили в новом бараке, хотя ещё и не заслужили почёта, как говорил звеньевой Васос. Старик Васос и Мяснин присутствовали на этом собрании. Евпрасия сказала:

— Плохо работем, друг на дружку оглядываемся. Мужички нам оставляют незачищенную лаву, выбирают уголёк, где помилче, думают, мы этого не понимаем; рспытки не переносит к концу смены, а заду, пусть нам выдарт любую лаву. Будем работать нашей железкой бригадой; возмём только старика Васоса, он нам поможет, где сами не поймём...

Старик закивал головой так, так, так. Мяснин ждал, что скажут другие. Другое закричало: «Ворос-то ворно, но и самим работать тяжёло!» Голоса разделились.

Евпрасии хотелось сказать, что она знает, что больше всех подбегивает шахтёры на эти намешки и злые выдумки, но тогда тот же Петр мог ответить, что она хочет выместить на нём свою обиду. И она сердито слушала возражения девушек, которые болели, что не справятся ни одим с лавой. Евпрасия не желала сдаться. И она решила на свой страх и риск кончить решим создать женскую бригаду.

Ночью Евпрасия дало писала письмо. Это было первое её любовное письмо, по-

тому оно и писалось так медленно. Она истортила почти весь блокнот, который подарили ей на комбинате при прощанье. Надо было выписать так, чтобы тот, кому оно адресовано, не очини гордился, но чтобы всё поняла с полуслова. А не то, чтобы всё поняла — туда ему и дорога, больше она и думать о нём не будет.

Она вышла из дому за полчаса до смены. Зашла в редакцию шахтной многотиражки и подала письмо редактору. Редактор прочёл, подала на Евраксию:

— Что ж ты самого похожего машиниста вымываешь? Или сама за себя боишься?

Евраксия поджала губы, отвернувшись.

— А выполнишь своё обязательство? — спросил он.

— Я-то выполняю — пусть он выполняет.

Редактор засмеялся.

— Никогда никаких обязательств он не выполнял, а это выполнять ручается не очень это приятно шахтёру, когда его девушка вызывает.

Утром, когда бригада спустилась в новую лаву, врубовой машиной управляла Евраксия. За одну смену девушки выломали полторы нормы. О работе женской бригады было напечатано в газетке. На торжественном заседании Евраксию выбрали в президиум. Председатель прочтёт в заключительной в газете вывоз на соревнование двух врубовщиц — Прохориной и Игнатиной.

Вечером в клубе в Евраксию подсел Пётр. Она хотела было отпернуться, видя знакомые улыбки подруг, но парень был, как колчан: всё так и засыпало, когда он уламывал и смеялся.

— Что ж, чья возьмёт, у того и будет праздник, а на праздник всё равно вместе будем, а теперь от тебя не отстану...

Но на следующий день бригада не вспомнила пана. Евраксия запамятовала от злости. За полчаса до конца смены к ней приходила редактор многотиражки и сказала, что Пётр Игнатишин уже сделал его доклад процитировал.

Евраксия вельичила ток и злится на врубовку. Девушки, собиравшие инструмент, закричали, что смена кончилась. Евраксия упрямо сказала:

— Идите спать, а я своё имя не позорю и вперёд не буду.

Валас вбежала, схватила олошату и начала отбрасывать уголь.

— А ну, девушки, давайте ещё на одну упряжку! Кладовничкуди часок работы, зато на полый день почёт! Кто с нами?!

Девушки переглянулись, взяли олошаты. Валас побжежа проауторитет подраивачка, чтобы пришла сделать новый вывоз.

В этот день они вышли из шахты поздним вечером. Дул ветер, шумя вершинами деревьев в горах. Звёзды мерцали чистым, синим светом, как бывает только перед бурей. Девушки стояли обнявшись около бани, дожидая отставших, которые всё ещё сывали грязь после трудного дня. Евраксия смотрела на высоко темное небо, на звёзды удивительно чистого блеска и думала о том, что сегодня их бригада выдержала испытание, теперь она уже не рассмыслится, сколько бы огорчений ни пришлось им пережить в будущем. А огорчения будут, как бугор и радости, и счастья, и победа...

Рис. Д. Дубинского

Мих. Матусовский

ФРИЦЕВ ВЕДУТ

Вёл селение Лужки
С велика до мая —
Бабы, дети, старики —
Видли из подвала.

За дорогой фронтовой
Смолкла канонада.
Пыль, стоит над голозой,
Будто гонят стадо.

Пылью всё заволочло,
Пыль легла на ясна.
И брёлёт через село
Пленных вереница.

И молчат вокруг народ
Сдержанно и глухо.
«Посмотрите, кто идёт! —
Крикнула струна...»

Приглядитесь вой к тому
Немцу с толстой рожей.
У меня стоял в дому
Нашего похойяй...

Если б здесь не часовой,
Помниай, как звали,
Мы б мушкетер немский твой
В ключах изорали!

«Видно, Гитлеру кажут,—
Дед сказал бес шутки,—
Третью тысячу веду
За аторые сутки...»

Третий день всё тот же вид,
Поглядишь с порога, —
Всё пылин, пылил, пылит
Знайкай дорога.

Не на пир, не на парад,
Не на штурм стоимши
Третий день, за рудом рад,
Маршируют фрицы

Разорённой стеной,
По стене безлозой,
Окружённые стеной
Ярости народной.

Дебстаюющая армия.

★

БАЛТИЙСКИЕ АССЫ

На нашем снимке пятеро прославленных балтийских ассов, изобретателей шахтёрской отменной, которая знает и любит вся Краснознаменная Балтика. За плечами каждого из них сотни боевых вылетов, десятки ожоговых воздушных боёв, проведённых под небом Ханко и Воева, в тяжёлые дни блокады Ленинграда, как финских и Нарвского залива и Чудского озера. Сто летодат финских самолётов уничтожены отним сталинская соволица. Сила напарно: Гитлер-гидриды Герон Советского Союза старший лейтенант Александр Шелева, капитан Георгий Костелья, капитан Дмитрий Татарово, подполковник Василий Голубев и майор Александр Батурия.

Фото Ал. Лесо.

А. Калинин

Ч А К А Н

Ехали круглые сутки, а степь лежала впереди, всё такая же просторная, покрытая гнилой чёрной польюи.

— Да будет ли ей когда-нибудь край? — спрашивала казачка.

Они спали в сёдлах. В пахах лошадей закипала пена. Волнами бежали к горизонту буруны.

И что за земля? Один песок. Разве это степь?

— Не такая земля у нас на Дону, — вздыхала вешенка, шолоховский земляк.

— Главу не за что записывать. Сухота. И как тут люди живут? — вторила соседка.

— Давай, Чапан, заводи.

Чапан — сивоусый, щупленький казачок — распрямился в седле и неожиданно басом оглушал.

«Ехали казачки
Со службь домой,
На слыхах погоны,
На гнилых кресты...»

— Эй, Чапан, твой сынок едет. Опять за песню будет срамить. Слущай чор!

Подлезла командир эскадрона. Ещё издавали кричал:

— Опять за кресты? Это всё ты, батя, баламутишь. Тебе же говорено, что о кресте нельзя.

— Я там не знаю, можно или нельзя, а только, когда крест получаю, я всё о том же дураку емлю — о России. Так, значит, нельзя про кресты? — с ехидством спрашивала Казачка.

— Нельзя. Мало тебе других песен?

— Жаль. Нашим казачкам эта песня даже по сердцу пришлась. А я-то, темная душка, ещё думала свои старье Георгиевские... — Чапан забрелчав в карманах шаровар серефром.

— Чулко, — раздумчиво говорил казак, когда командир эскадрона отъехал. — Я так разумею, что раньше солдатам кресты тоже не зря выдавали.

— Горюет едет! — шелестело по ридан. Казачки круто поворачивали головы вправо, екашная глаза на обочину дороги. Мимо эскадронов на светловорослый англо-шведские ехал всадник в чёрной бурке. Жеребёк разминался в стороны срезанные копытами стебли польви. Ветер отворачивала полу бурки, и на шароварах всадника вспыхивала двойной генеральский лампас.

— Горюет!

Казачки в ноточку равняли лямпаные шеренги и, натягивая поводья, ехали стремя

Антоний Калинин — молодой писатель-фронтовик. Все войны он находится в действующей боевой кавалерийской части в качестве корреспондента «Комсомольской правды». Написанный им роман «На юге рисует отважных кавалерийских командов. Доблестных защитников советского юга. Наше мы печатаем отрывок из романа А. Калинин, подготовленного к выпуску издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

в сторону. Лошадь шла парадным, танцующим шагом. Жеребёк быстро нёс всадника мимо эскадронов, но глаза из-под серой шапки замечал всё. «Лошадь не поены, не кормлены. Люди валяются с седла. Выдержат ли?»

Половник в чёрной кубанке и в откнутом за плечи синем башлыке, верхом на жужрой кобыле, отдался от головного эскадрона, просякала невстречу. Правая рука всадника коснулась края занавешенной кубанки. Англо-шведгер заржал, открывая жёлтые зубы, хотел кунуть кобылу, но не достал. Лошадь вскрикнула и пошла ридом. Всадник в бурке бросил отпрыгнул:

— Разведка?
— Вернулся, товарищ генерал.
— Уходят?
— Уходят, товарищ генерал.
— Жгут?
— Дотла. Хутор Чернышнёв — один степи. Крестов — пепел и камни. Жители умиют с собой.

— Колодцы засыпают. Лошадь ложится без воды. Кобылы отстали, люди не спали и не ели столько суток. Переходить ты не должен.

Не отвечая, генерал играл рукояткой пист. Глаза его смотрели в сторону. Из рядов выскла низкорослый казачок верхом на верном жеребце. Придержав жеребца, казачок поспотел на месте, оглунулся назад, потом махнул рукой и решительно тронул коня. Не досажая пяти шагом, молодёжь козырнула, пошевелила шпунцетками, торчащими в разные стороны усами:

— Дозволяете обречься, товарищ генерал?
Всадник в бурке наклонил голову, рас-

сматривая казачка. Как-то особенно долго, подобранно сидел казачок в седле. Всё было у него маленьким — и он сам, и кургузый, круглобкокий меринок, и жарбын, пригнороченный к седлу.

— Я за кресты... — снова шевелил усами казачок.

Левая рука генерала пошла вверх. Казачок затроновался, сунул руку в карман шаровар.

— Вот... — на ладони у него серебранным блеском вспыхнули три креста.

— Георгиевские? — с любопытством разглядывая кресты, спросил генерал.

— Они самые... обрadowался казачок. — Вот и я ему говорю, что георгиевские. А он говорит, что Георгий был такой-экой...

Я ему доказываю, что Георгий был Победоносцем, а он...

— Кто он? — сдвигая брови, спросил генерал.

— Есть у нас такой командир из ранних — казачок оглунулся назад. — Ты, горюет, про эти кресты и думать забудь. А то ты тебе такой крест затронов, что живёшь на твоей голове: эта блажь выскочит.

Генерал улыбнулся:

— Это твои кресты?

— Мои.

— Все три?

— Так точно, все три, — казачок выпятил грудь.

— За что же тебе их дали?

— Первый — за Порт-Артур, второй — за Перемышль, а третий сам сам Брюсолов вручал.

— Значит, заслужил кресты?

— Я тринадцать раз был раненый, товарищ генерал, — обидливо скривил казачок.

— Ну, и носи свои кресты на здоровье. Носи, раб заслужил.

— Стадо быть, можно? — опешил казачок.

— Можно, можно, — генерал улыбнулся.

— А ежидан он опять начнёт... — казачок описливо оглунулся назад.

— Не начнёт. Сказалось — я приказал.

— Значит, и песню можно про кресты? — захлебнулся казачок.

— Какую песню?

— А вот какую... — распрямляясь в седле, казачок избрал полную грудь воздуха и, выкатывая глаза, вылинул так, что жеребёк генерала шарахнулся в сторону:

«Ехали казачки
Со службь домой...»

— Хвятиг, хвятиг, — смеясь, махнул ру-

кой генерал. — Песню тоже можно, Тебя как же зовут?
— Чакаш, Чакаш — мой фамилие. Камыш такой есть на Дону, крыши им кровят.
— Ну, есжай, Чакаш, догоняй эскадрон. А песни ты хорошо любишь. Только вот конь у меня пугливый.

✱

Ночь. Тумной ветер — горький ветер Кавказа — дует в степи. Солёной росой садится туман. В тумане белым пламенем струится лунный свет. Мерзко горит косяры. Призрачными какутся лодки снагуги людей, протягивающие руки к огню. Казаки гротятся. В тёмных глазах мерцают красивые искры.

— А что, Степан, когда мы на германскую землю ступим, смог бы ты их дитяшек шашкой порубать на штыком проколоть? Как они зарубят... Смог бы?
— Не знаю. У меня своих людей двое: девочка шести годков и сынку третий пошёл. Нет, не смогу бы. Дети, они безвинные.

У соседнего костра разговор.
— О чём же вы с ним говорите, Пётр Тимофеевич? — заснивающее спрашивает молодой голец.

Отблеск костра ложится на лица казаков. — О чём? О разном... Чакин соиндо выдерживает наузу. — О семействе доты-гмааса, к себе на четверок зазывая в свободный час. Но я я от него отказываю. У вас, господа, товарищ гвардии генерал-майор, без меня далеко зайдёт, а мне тоже куда-то неусыпно надо за лошадьми наблюдать, как я есть приказандинированный к этому учету ответственным заводным коному.

— Ну, а за кресты что он тебе сказал? — спрашивает пожилой чернухой казак: зубы у него под усами белуют, как сахар. — Ты за кресты. Раз ты, говорит, геройской души человек и своему русскому отчеству обороняться, а носе тебе и за кресты себе на здоровье, и должен тебе за это каждый уважать. А ещё посулаи мне туда подальше отнять выдать. Это, говорит, за то, что ты при себе проклятые астах добровольно пошёл против германца, а уметь, а также для полного комплекта к званием Георгиевским крестом. За песню же, да же хвалана. Толос ему мой поправил-ся.

— На сына ты ему жаловался? Выдал-видишь он у тебя...

— А то как же! Я ему говорю: где это вышло, чтобы сын твой родным своим команду принимал, да ещё покрывался при всём народе, за кресты и за песню грюм? А он и присогворозил, ты возьми своего сынка, сиди с него штаны и разговаривай по тому самому месту, какому на лошадь садятся. А ежели и это не поможет, то пришли его ко мне, я ему сурьезный аффент прочтэю, как надо отца родного уважать.

— Это ты про что, брат? — спрашивает у самого уха Чакаша вкрадливый голос.

Взвругну, казаки оглаживаются. Из темноты, лезущая над Чакаша, в темный круг света выдвигается лицо штык — сорочие, недоброе глаза под белесыми ресницами, короткий, как у отца, нос с обрызганными издремавшим, оседланными оскла рошинок, блестящих зубов. Казаки вскакивают с земли и вытаскивают перед командиром эскадрона, но он останавливает их рукой:

— Сидите. Про что разговоривали, слушайте, если не секрет?

— У нас от начальства секретов не бывает, — перебрывая плечами, сердито говорит Чакаш. Он один остался сидеть у костра, демонстративно не вставая с земли. — А говорил, мы с тобой, и между прочим, о том, что время зря идёт, а воин до сей поры на летних подквсах ходат. А попом негу, и укрывать лошадей нечем, хоть самим ложись на них зверею. А ты бы ещё ахнул, ахнул, ахнул, да только, не скоро этой сказке будет конец. И ещё не мешало бы по этакому холаду для согривания души каждому казачку по стопочке сплутать. Я когда в царской армии служил...

— Опять о царе Горохе. — сурово перебивает сына. — За измышленную вольность — в третий раз до лошадей — круто рубит он и в туман смотрит на отца сверкающими глазами.

— Это кому же в наряд? Мне? — притонмась с землёю, ошалело спрашивает Чакаш. Погляди у него начинают вздрагивать от уку окулиры, а сын разительно похолол друг на друга.

— Тебе, брат, Ашлейде далеко от огня не отогнать. К ночи укрыть напашпадками и мешками. В два часа разбудить казачков на поход. Повторить приказание! — строго говорит сын. Толос его грюмат в тумане кружке притихших казачков. Призванным рядом лошади сторожко прилают ушами.

— Далеко не отогнать... К ночи укрыть мешками, в два часа разбудить на поход... — поаушающ бормочет Чакаш.
Он стоит навыважку перед сыном. Лицо Чакаша омывает бледность.

Крото повернувшись, сын уходит. Чакаш молча опускается на землю, берёт паку и начинает ворочить горшине головонышю. Качание возникает у костра. Рядом топчутся коня. Глухая нога обступая живое пятно огня. Ветер приносит из степи сную горечь вняющей поалны, шорох выжженных посов, дремлютый кабекрора, глеящую струю воздуха у костра. Рядом, короткий хлюст выскрост. По чёрному небу, разлушив изморозный след, пробегала звезда. Пуля протинула за собой красную струю трассы. И опять тепло и тихо в степи.

— Ну, и сынок у тебя, Пётр Тимофеевич, — нарушает молчание чернухой казак. — Дуже строгий характер!

— Мой характер, — оживившись, говорит Чакаш. — Даже самому иной раз утвлялаюсь обороняться, а выдумываю, да, да, Курпийн, ты не гляди на меня, что я спаружу вроде смиренный. Не дай бог, кто мне на дучи заступит — тогда и даже сам себя не знаю, а в какой же Сала-хана, как он в меня зарпачат! Весь в отшана, сукин сын! — в голосе Чакаша сквозит родительская гордость...

✱

— Колонна немецких танков дошла до окопных холм и расклялась на две группы. Под прямым углом машинный станк разорывается на правый и левый фланги. В клубах чёрного дыма и сполошной пыли танки и расклялись очертания мессинских корпусов, а белая, эмалевая краска, которой были окрашены танки, создавала впечатление, что это стуробы стронумасы с места и пошла по степи.

«Дожде пошёл» — полумла Чакаш, прикладывая в прицелу бронейной ружья. Танки шли вперёд, а за ними по лавкам выдвигался вправо и влево. Чакаш выбирал себе в коаино машинный холм и мысленно прицеливался, как удобнее её повалить. В той группе, которая двинулась вперёд, фланги были большие машины. Впереди шли три дубжабных танка, резко отличных от других. Они кавались вырубленными из сплошного кока металла. От их широких, оседатых корпусов, от массивных частей и басуцирующей солнце паншпирой брони веяло тупой, грубой силой.

— Скоро два года воюем, а такие чудовища вижу в первый раз. — шлоаголасо сказала чернухой казак.

— Это и есть «тигр». — небрежно ответил Чакаш, хоть и был поражен грозными видом доселе невиданных машин.

Моторы идущих впереди танков издавали низкий, утробный звук. Их рёв заплыла стена степь. Колёбани земля под тяжёлыми машинами вздрогнула.

— Ты бы правого, а я левого, Курпийн. Как дождь! до тех танков, так и стреляй. — сказала Чакаш чернухой казаку. Не доходя до кустов, танки открыли залповый огонь. Из жерл орудий, направ-

ленных на хутора, баснула острая гренадная язькиш. По черте окопов пробежал шорох, словно долой промчал крупный и частый град. В окопах посыпалась земля.

— Стреляй, Курпийн! — оагохнува от гроча, крикнул Чакаш.

Среди танков, в тучах ударов пушек разоренные выдвинул протиставляющих ружьям зачюлки, как иргуциные хлопучки. В стадах бурых орудийных барашков свелами олушачниками поапили их весёлые ударами дыма.

Но в развиртутой шероне танков, идущих на хутора, острый гала Чакаша заметил причиняющийся урон. Два танка остановились, образован провет в колёсах машин. Над их башинами вудж ряжаныи облаками взорвалась пламя, и тотчас же в окопах донёся слёзй безгильовой дуч.

— Берёт, Курпийн! — радостно закричал Чакаш. — Живей поапили патроны, стаяи!

Однако три головных дубжабных танка продолжали невредимо идти вперёд. Как ни напрягал трещины Чакаш, он не мог увидеть ни одной трещины в их броне. Лишь впереди была моакио змгитная да поблбкывавная парализован — лёгкий оскоаочный след.

— Или их наше ружье не берёт? — растеренно спросил Курпийн.

— Берёт? — с уверенностью ответил Чакаш. — А у самого курпийн сердце? Неужто не берёт? Нет, не может того быть.

За скалками степи пропадали и вновь появлялись орудийные башни, коалясьеся, как аюли на вале.

— Стреляй, Курпийн! — торопил Чакаш.

Сияя гусеницами ракинотые кусты, танки ускорили хол. На башнях оборотах стаяицим звуком звывали моторы.

— Ты чего же молчишь, Курпийн? Вей! Но чернухой казак не отвечал. Выпустив из рук приклад противотанкового ружья, он встал на колено, а за ним — против степе окопа и стал молиться. Он глядел вниз. Ноги его в шепервых сапогах подгибались, он тихо садился в окоп.

— Курпийн! — с тревогой оакинула Чакаш.

Чернухой молчал. С первого аяи вместе с Чакашом они прошли через все мьастерства войны. Деками поапили и горе, и тоску, и чиротку солдатской махорки. Не призывал ставили рядом лошадей. Ели из одного котелка и часто прызали оини чернухой сухарь. До самого Дона шли, неразлучно подбываясь вель похол...

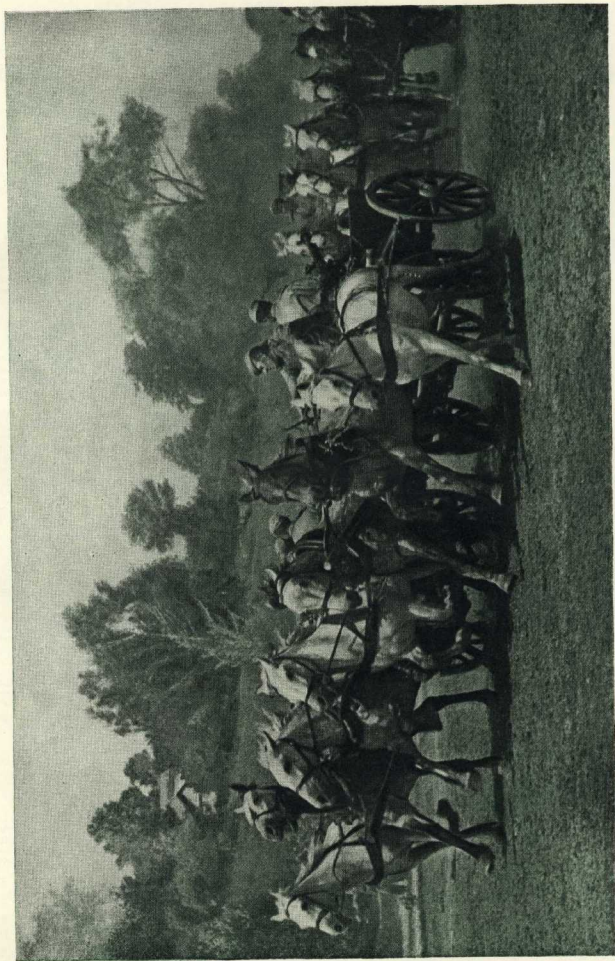
На лицо убитого молчаливо набагала земная пыль. Желтоватая бледность покрывала его черты, придавая им суровую отчуждённость от мира. А на небритых, оаомешенных скулах ещё не остыла румянец, и с восторгом выдвинулись оставших ресниц на щёки стаяи росники светлой, прозрачной воды.

В чадном дыму и в тучах летящего металла танки неапроделимо шли на хутора.

На подходе ко второй линии окопов танки прекратили огонь. Взррев моторами, они устремились вперёд. У Чакаша оапило плечо от бесперывных ударов ружья. Папушущий жаром ствол жёл ладоны. Он набрелся с оруствра на ружье ещё и снова стрелял. Прямо перед собой Чакаш видел чёрные танки солдатки. Они неудержимо надвигались на него.

Горе и злоба стинули сердце Чакаша. Он один остался в окопе. «Так нет же, не может быть, чтобы из этого стального зверя бы устремился уади! — подумал он, припадая к ружью. — Не может быть, чтобы этой своей громадной коаюкой немеч русского человека одолеал!»

Чакаш набел наглом на оруствра, тшачеи выстрелил. Толстой дубжабный танк, порывавшись, тотчас же рухнул, перевернувшись на спину. Чакаш, обходя миане поле и повернувшись, открыл свой бок. Чакаш выстрелил и поапила танк...

Тягачи

Фото Б. ИГНАТОВИЧА (Студия имени Грассе).

В башкирских и степях горях. Урал
смотрел в глаза мне, габайтский и тлякий.
И летний день — рубашка шарпаньку —
молчал... И слышалась, как минерал
из-под земли шептала мне бль о том,
как золото под судом разошлось,
как всё вокруг сурово оплывало
на недругов, ворвавшихся в наш дом.

Леса да камень... Из лесных глубин
дорога шла — то вниз, то снова в гору.
На всех вершинах сине, уль-трамарин
(когда они под тучами) и дым
на всех вершинах — пайкой бирюзовой
(когда они на солнце), — и по ним
легко струился ветер предгрозовый.

Гроза всё шла да шла, но где-то там,
далеко! И порой по чёрной туче
летучий змей слетал и городам
в глубь сердца попадал. И с голый кручи
порывы ветра доносили мне
пожара запах. «Аждаха!» — упрямый,
кричал я змею: «Бойся! На огне
горюши! Не спорь, не спорь с богатырями!»

Казим-гуре, легенды ставший, тог,
что неустанно гнал Наполеона,
всередка сказа однажды: «Пусть умрёт
навеки враг наш! Бьём его бесонно
тресклято — всё змей, всё тяжело.
Ах, боль к земле, как небо, — коло веселье!
В бой, в бой, ни сил, ни жизни не жалей!
Хай мьялькэм, изтек бьялькэм!»

И звуки братской речи слышу снова...
Хоть я из-за Днепра к тебе пришёл,
Башкирия, — твоё могу ли слово
не поабыть! Оно как бы орёл
в душе моей: оклякну, бровью двину —
о само взлетает кверху. «Аждаха!»
кручу и фрикчу. — Выруч пострахал!
за то, что мучна нашу Украину!»

Налево — степь в иссина-чёрных точках,
как будто здесь ссыпан тёмный мак.
То — Ишмобей, а то — Стедралтам.
Обра нефтяные, ямы, котлы...
Их резкий свет слепит глаза до боли:
— Из-под земли идёт на помощь тем,
кто бьёт врага, чтоб не поднялся бола.
Хай мьялькэм, изтек бьялькэм!

..Так я взобрался на вершину склона,
как будто здесь ссыпан тёмный мак.
Привет тебе, ролик неутомонный
подземного могучего огня!
Такой ты молодой и расторопный,
а люди у тебя — добро и свет,
и музыка на свете лучшей нет,
чем белорусских фабрик шум подробный.

П бьла в пехтах. Твоеи люди есьт
(с их обломком вавки не расстанусь!).

Работа — это совесть их и честь,
и в этой чести — наша первозадность
среди народов мира! (Я сорвал,
пригнувши ветку ислко, кисть рябины —
попробовать на вкус...) Ты, брат Урал,
судьбу связал с сынами Украины.

Направо поглядю: я близ Авзана
шла золотая жила, как кусьды
она в земле потала. Аж-Идеал
тогда величественно-неустанно,
как на привале песня молодых.
Её от бурь оберегал горы
здесь — Яман-Тгу, там же — Иранлык.
Сквозь них веи проходь, коридоры.

По просекам машины проегаи
в Магнитогорск, в Челябинск... А вдаль
кусты черемух на свету играли.
И на зловоды цвет мой земли
кова победу грозно. И витала
над кручами уверенность сама.
...Алега на курс ораинья семья
вперёд — туда, на запад от Урала.

Всё чаще им асетет день ото дня!
Там, за Днепром, прославальные чести
для человека добывает счастье
и волю... Грохот Буря! На кола
исконца — а выку — сам Казим-гуре
и замкнулся саблай. И по туче
чернука вдруг кто-то палым... И в море
найдем мы зверя — жить его отчум!

Ударил гром, и повторился он
обвалами в горях. И вдруг закапал
тяжёлый дождь... Он скрёбся. Как сквозь сон
увидел я, что немец-зверь иерпапа
и мучил Украину-змея и нас.
детей её и звуков... Я подался
к Днепру, крича и пала! Гром раздался
и до подножий горы все потрае.

И стало вдруг просторно на земах!
И слыно артиллэрия громеа.
И бомбы падали. Река во мгле
куда-то вниз стремительно легела
и трупы немцев жалко уносила,
они, крутивсь, срывались в вилудя.
Их не держала на себе вола,
но бедна их взяла и проглотила.

..Поздней, когда всё стихло, снова
сквозь тучи показалась, а за нею
раздалась ослеп смех, и всё слынее
дрожала в небе радуга. (Слова...
они изланиши — так света!) Сиял,
она сказыва громче всех поэм.
О родина! Вавки! Сиятели!
Да будет немец-враг мертвецки нем.
Добудем счастье нашим людям — всеи!
Хай мьялькэм, изтек бьялькэм!

Перевёл с украинского Лев Озеров

Примечания:

Аждаха — по-башкирски — змея.
Хай мьялькэм, изтек бьялькэм! — по-башкирски означает: живи
не покидаем до оганю свою.

Крылатые

Люди, научившиеся переплывать моря, пересекать волье и поверёк нашу планету, всегда завидовали птицам, умеющим летать.

Ориэль, парящий над горными вершинами, буревистик, реющий над морской пучиной, сокол, смело летящий навстречу врагу, всегда вдохновляли певцов человечества — поэтов. Они видели в могучем взлёте гордых птиц дерзкую смелость и неудержимое стремление к свободе.

Люди мечтали стать крылатыми, как птицы. И фантазия человека соткала чудесные мифы о пернатых крылатых людях на земле.

Икар, сын афинского зодчего Дедала, взлетел на крыльях из птичьих перьев, слепленных воском. Но слишком близко к солнцу подошёл смелый паритель. Солнце растопило воск. Крылатый Икар погиб. Сорок два столетия назад китайский юноша Шунь, заключённый в высокую башню, спрыгнул оттуда, держа над собой две огромные тростниковые шпаны. Влетел, он достиг свободы и земли. Так гласит мифы.

Во второй половине XVI века русский крепостной человек Никитка совершил на деревянных крыльях удачный полёт над Александровской слободой под Москвой. Крылатый холост был казнён за то, что вздумал летать. Но мечта о крыльях, как мечта о свободе, не оставила человека.

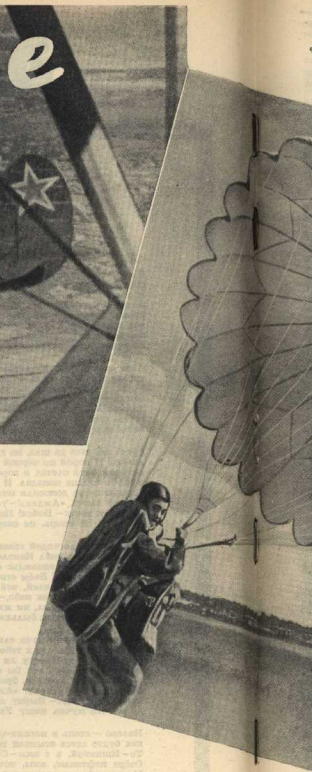
Особенно сильна эта мечта у молодежи нашей страны. У нас выросло племя крылатых людей.

Лётчики — любимые герои советского народа. Наша молодёжь помнит славный взлёт сына Николая Каманина, вылетевшего на спасение челюскинцев. Она рукоплещала героическому броску Валерия Чкалова через Северный полюс в Америку. Наша молодёжь гордится самоотверженным подвигом Николая Гастелло, дивной смелостью Виктора Талалахина — славных пилотов комсомола, героев Отечественной войны. И с гордым волнением следит каждый из нас за боевыми делами прославленных авиаторов Виктора Гогоубца, Александра Молодцова и других джады Героев Советского Союза, за примерами безаварийной отваги лучшего лётчика Советской страны трижды Героя Александра Покрышкина.

Советский юноша хочет научиться летать, чтобы свободно парить в небе необъятной родины.

Над летным полем аэроклуба он делает свой первый шаг в воздухе, потом всё увереннее становится его воздушная походка. На заводе он тонит снаряды, собирает автоматы, строит самолёты. В аэроклубе учится летать на планере и самолёте, прыгает вниз с самолёта с парашютом за спиной, с автоматом на груди.

Так вырастает у человека крылья. Наши симки рассказывают о работе парашютно-планерного клуба московского городского совета Осоавиахим — первой школе многих пилотов и парашютистов.

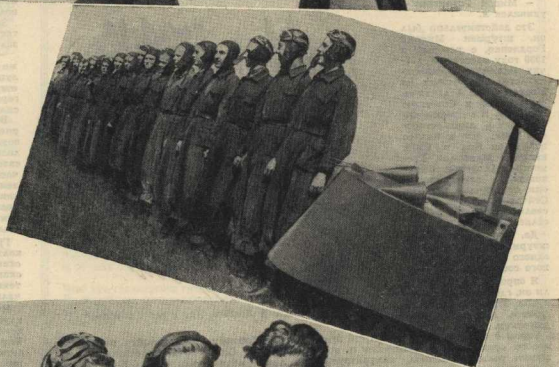
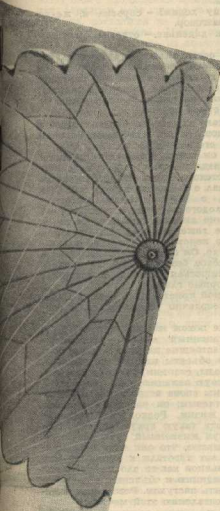

На симках:

Слева: вверху — курсант клуба Иван Погребной с моделью самолёта в руке; внизу — группа парашютистов, прыгавших в парашютах; в центре — Александр Шиншин, воспитанник клуба, благополучно приземлился, доставившая свой социальный прыжок. Сталинскую работу на заводе он сочетает с общественной и культурной деятельностью.

Справа: вверху — Анатолий Сорочкин и Анатолий Востриков — юные авиамоделисты. Как ручных птиц, выпускают они из своих рук быстрых моделей. Придётся час, подростки ребята, ступь выключили конструкторами больших и быстрых машин. Внизу: в центре — в аэро — курсант-инженер из Москвы — С. сел на самолёте лётчик, внизу — инструктор-лётчик тов. Сушинский в первом месяце авиации читает только что выученную главу курсантам. Справа направо: ученик 110-й московской школы Ново-Ильинский, слесарь автозавода имени Сталина Востриков, тех. бригадир, бригадирский «Илья Ильич», автолётчик И.ского авиаклуба Погребной, автолётчик И.ского авиаклуба Погребной.

Фотоочерк Тагалин Микт

на само-
вые тех-
ники.
Выгодо-
ны Стали-
наторо-
дков —
и своих
досто-
инству и
не над-
еся вой-
шиская
излету
и Пон-
шиская,
оробной

ВСПРЕЧИ НА ДОРОГАХ

(Из фронтовой тетради)

Рис. Г. Балахова

ГЕНЕРАЛ С СЕВЕРНОГО ПОЛУСА

Ночь застала меня на глухом проезде, недалеко от переднего края. При свете электрического фонарика шерсть долго ковыляла в моторе, а потом мрачно заявила, что нарушено взаимодействие, испортился карбюратор, отказала помпа, бездельствуют две свечи. По словам водителя получалось, что машина сможет проехать путь туда, аи раньше будущего года... Оmit фронтовых скитаний подосказывала мне полную безразличность и даже вредность споров с шофером. Расстелив на траве плащ-палатку, я улегся спать.

Пробудился я от громкого шума. Невеселый, коренастый офицер отчитывал моего шофера за то, что он остановил машину посередине дороги и закрыл путь. Голос офицера показался мне знакомым. Я поднялся и подошел к спящим.

— Милка Гордиенко!

— Удивился я.

Это действительно был он, штурман Михаил Гордиенко, с которым в 1939 году известный лётчик Владимир Кожкина летал без посадки из Москвы через Атлантический океан в Северную Америку. Я не видел его три года и лишь стороной узнал, что в начале войны он был в США вместе с Михаилом Грозовым и Георгием Байдуковым, а затем, как и они, отправился воевать. Сейчас фронтовая судьба свела нас на этом проёзде.

Да, он попрежнему штурман. Только уже не одного самолёта, а крупного соединения.

Я спросил его, не знает ли он, где находятся Байдуков. Здесь же, на этом фронте. Командует соединением.

Утром я был уже на месте. Штаб штурмового соединения разместили в помещении сельской школы, полуразрушенной немцами. В просторных, светлых классах за партами сидели офицеры, разбавлявшие паню очередьных пилотов.

Байдукова я нашёл в маленькой комнате, очевидно служившей раньше кабинетом директора. Командир соединения сидел на единственном стуле за единственным столом и вызывал по радио одну из своих частей:

— Резеда, Резеда! Я Ландиш. Как у вас с бомбами?

Он был всё такой же крепкий, бойкий, молодой. Генеральский звание давно сидело на его крупных плечах. Живые глаза смотрели широким веселом. На левой стороне груди блестяла Золотая звезда — знак Героя Советского Союза. Лишь голос его стал незнакомым — резким, хрипловатым, категоричным. Переговорив с командиром полка, он повернулся ко мне:

Живой? Очень хорошей! А ну-ка, выходи сюда поблаже. Едн видеть. Девню из Москвы? Обязательно напиши о моих работах. Замечательно воеют. Некоторые делают в день по семь—восемь вылетов. Прилетит, подбросит бомбы, поладит снаряды — и уходит в воздух. Вот вчера немецкий танко-

вый полк так расчехлялся, что от него один гусеницы остались.

Мы вместе отправлялись обедать. Квартир Байдукова находилась неподалеку, в просторной крестьянской хате. Генерал звалил там большую светлую комнату, очень просто обставленную. Огромный стол, походная койка, полковой телефон, несколько книг.

За чаем и трубками разговор зашёл о старых делах и друзьях. Байдуков вспоминал различные эпизоды своего пребывания в Америке, встречи с Рузвельтом, генералом Маршаллом, общественными деятелями Соединённых Штатов. Он рассказывал о том, что президент был очень признателен, много шутил, восхищался мужеством советских лётчиков и выражал уверенность в скором открытии транспортного воздушного пути между СССР и США. Война разрушила эти планы.

— Резеда, Резеда! Я Ландиш. Как у вас с бомбами?

— Довоен — сбить полбу на завод работать. Оплт буду лётчиком-испытателем, — мечтательно сказал Байдуков.

В дверь постучали. Вошла молодая лётчица с погонами старшего лейтенанта. Это была преданная командир эскадрильи штурмовиков комсомолец Владимир Молодчиков:

Разрешите доложить, товарищ генерал. Бедная кино лентка вернулась без потерь. Задание выполнено. Уничтожено шесть немецких танков, восемь автомашин с лехотой, подожжено огнём пяти орудий. Движе деревни Н. замечена колонна автомашин противника. Они уходят на запад. Разрешите обработать? Самолёты будут готовы к полёту через пятнадцать минут.

— А вы обделали?

— Успеем облетать. Разрешите лететь?

— Действуйте! Счастливого пути.

Лётчик повернулся и вышел. Через несколько минут в воздухе над нашей хатой протудила моторы. Самолёты шли на запад. Боевой день был в разгаре.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Уже три дня болтался я на этом промежуточном аэродроме. Связного вальдность выискал над землей, дождь пла-

не затыкая, и все полёты были прекращены. Возвращаясь от оперативного дежурного, я встретил в поле мальчишка, закутанного в плащ-накидку.

— Товарищ офицер, подвезите.

Он сел на свободное парование сиденья. Рядом с рослым водителем он казался подростком.

— К чему ходишь? — спросил я, желая завязать разговор.

— Нет, к дяденьке, — ответил он усмехаясь.

Машина остановилась у здания клуба, где нам отвели временный лагерь. Влеза за мной в vestibule вошёл мой спутник.

Он сбросил намокший плащ, и я осмелился взглянуть на него. Золотая звезда и блестящие четыре ордена.

— Капитан Гуляев, — вытянувшись, отрекомендовался он, и всеёла искорки заблестели в его живых серых глазах.

Так вот он какой, Григорий Гуляев! Ещё год назад мне много говорила о нём Герой Советского Союза майор Байков. Он рассказывал о совместных боях под Сталинградом, о блестящем воинском умею молодого лётчика, и беспрестанно рессовало мне дождю парин, спортемена чужд ли не тяжёлота... Да, Гуляев совершенно непохож на грозного вальсталика воздуха. Он обильн мальчишеского роста, у него всеёла безусый овал, немалая мальчишеская улыбка, непокорные волосы, озорные глаза.

Заметив мой пристальный взгляд, Гуляев, чисисеродейто расхохотался и сказал:

— Что, не похож на истребителя? Да же же непономонный лётчик, противоштурмовый. Настоящие на фронте друзья, а мы в тьму объекты вальсталика эскадрильи, заводы, станции. Сколько раз просился в боевую авиацию — не пускают.

Вечером мы снова встретились с Григорием Гуляевым: он рассказывал о своей воздушной жизни. Редко мне приколосило слышать такую яркую повесть. Писатель, рисуя жизненный путь лётчиков, често указывал, что они чуть больше десятилетия лет титовали в авиации. Михаил Водопьянов как-то за вынесла эту неслухую традицию и объяснил: «В детстве я мечтал быть пилотом. Революция помешала осуществлению этого мечты».

Григорий Гуляев, сын домосковского колхозника, мечта был учителем. Советская власть дала ему эту возможность: он окончил Серпуховской педагогический техникум и даже начал преподавать в начальной школе.

Но разом был аэродром. Самолёты аэро-клуба летали над школой. Дальнейшее: аэрошколы, лётная военная школа. Впроед, капитан Гуляев, оживе остался до некоторой степени педагогом: прилетит весьма квалифицированным. Он командир эскадрильи, да лётчики сражаются искусно и умело. В неважном бое его эскадрилья уничтожила три самолёта, потеряв лишь один свой.

— Где вы дрались?

— Под Москвой, Ростовом на Дону, под Сталинградом, Курском...

Ему приходилось воевать в самых различных условиях со всеми противниками. Иногда он вступал в бой один против 6, против 8, против 10 вражеских машин. В огромном большинстве случаев капитан выходил победителем.

— Передай самолёт в бина под Москвой, — рассказывает Гуляев. — Это было в июле 1941 года. Тогда я был ещё меньше, и техника наступала на шалаи деревянные колодки, чтобы я мог достать до них ногами. Нам сообщили, что летит разведчик. Мы поднялись парой в воздух. Немцы шли на высоте семи тысяч метров. Догад мы лезли вверх. Противник заметил нас, пытался уйти. Мы влезли его в кашу, стреляли из пулемётов и пулемётов в упор. Мы последние снаряды пожогали фашистскую машину. Вешенный огонь полыхал в воздухе! Теперь мне этого количе-

ства снарядов и патронов хватало бы на десяток самолётов.

Иногда Гулятьев доводился вести по нескольким воздушных боёв в день. Вышло, что в одной схватке он сбивал по две вражеских машины. Как-то вечером посты воздушного наблюдения сообщили, что на наш аэродром идёт группа самолётов противника, состоящая из 15 «хейнкесов» и 12 «мессершмиттов». Наши истребители только что вернулись из полёта и стояли с пустыми баками. Наготове был лишь один самолёт Гулятьева. И капитан мгновенно взмыл вверх.

Бой развернулся прямо над аэродромом, на глазах у товарищей. Гулятьев снизу с ходу врезался в строй бомбардировщиков. Наметила жертву, он открыл огонь из всех пушек и пушек и с первой же атакой сбил «хейнкера». В тот же момент на советского лётчика набросилось несколько «мессершмиттов». Искусно выйдя из-под обстрела, Гулятьев набрала высоту, свернув атаковав своих противников и точным огнём сбил немешки истребители. Оба фашистских самолёта упали на край аэродрома, на расстоянии 500 метров один от другого.

В другой раз, возглавляя четвёрку самолётов «Яковлев», Гулятьев патрулировал в воздухе. В это время появились 12 фашистских истребителей «Мессершмитт-109». Советские лётчики первыми заметили врага и, пользуясь преимуществом в высоте, ринулись на немцев. Наши пилоты сразу же сбивли двух фашистов.

Как и всякий опытный воин, Гулятьев не стеснялся рассказывать и о тех случаях, когда ему приходилось терпеть поражение. Он считает, что воздушный бой — не игрушка, что всякая победа добывается с жертвами. Гулятьев много побеждал, но иногда и сам терпел неудачу.

— Важно из всякой неудачи извлечь для себя урок, — говорит Гулятьев.

Четыре наших самолёта везли над Сталинградом воздушный бой с десятком «мессершмиттов». Гулятьев в течение нескольких минут сбив два неприятельских истребителя. Но во время последней атаки у него на хвосте «повис» немец и с расстояния в 70 метров открыл огонь. Снарядами были перебиты тросы управления, прорываен радиатор. Лётчик хотел вырваться с парашютом, но оказалось, что окоском заклинило фонарь и выбраться из кабины невозможно.

Тогда он передал самолёт в крутое планирование, ревиш произвел посадку на неуправляемую машину. Визу растерялся горю. Прямо под самолётом тинулась уличка уаина. Огромные напоромонен сила вырывают машину, Гулятьев пошёл на херскую посадку. Самолёт зацепил крыльями за телеграфные столбы: плоскости обломались, но физика проломала по жерновам носов вперёд и полхука на носостову. В результате удара мотор и кабина были совершенно разбиты. Лётчика выбросило в сторону. Но так как самолёт тядела носом вперед, то мотор и крепления фюзеляжа самортизировали удар, а Гулятьев отделился лёткиими ушибами.

Мы проговорили почти все ночь. Я много ещё узнал о Григории Гулятьеве: что он родился в 1922 году, возлет с июня 1941 года, сделала 628 боевых вылетов, провёл 128 воздушных боёв и лично сбил 17 немецких самолётов. Ему присвоены звания Героя Советского Союза, он награжден орденами Ленина, Красного знамени, Отечественной войны первой степени, медалью «За оборону Сталинграда».

И перодо мной встал замечательный образ молодого воина, опытного лётчика-истребителя, превосходящего знающего самолёт, обладающего стальной, только весной и точным расчётом, отточенной техникой планирования, реакцией сокола и ударом орла.

МОЛОДЫЕ ПОЛЫ

Вячеслав Колобов

ЖИВАЯ ВОДА

Я об этом слышал на Амуре.
За кустом вечерним и зёбаний час,
Ласково седые брови свела,
Вёл рыбак затейливый рассказ:
— Есть у нас поварея в зареде,
Не грешно послушать молодым,
Раз в году на лунный свет выхлосит
Из глубин струя живая вода.

В эту ночь ревет Амур сердито.
И такое говорят у нас,
Сила в той воде большая скрита,
Кто её отведаст хоть раз, —

Тот ей бойся ни ножа, ни пули,
Путь широкий для того открыт.

Примечаю я, не потому ли
Наш народ повсюду знаменит,

С незапамятных времён до ныне,
Этой силой деловой мочу,
Он стоит немалобой тверделию
У москвич, у амурских круч.

Вот и ныне против супостата,
Знают, отведали воды живой,
Наши примамочные ребята
Там, на западе, ядут на бой.

Ничего, что путь далёк от дома,
Верит сердцем русский человек:
Та же сила у Днепра и Дона,
У других больших и малых рек.

В ЛЕСУ

Над ней шумят таёжные ветры,
Лавно распахнутые двери сгнили,
Над почерневшей крышей до утра
Колдуют уссурийский лесной-филия.

С божины, где темнеет суровой лик,
Глядят сова стекляными глазами,
Дубы молодёжьки к стеклу приник
И в удальином безмолвном зазер.

Казалось бы, давно дороги нет
К стоянке, позойтой зверобоем,
А мы пришли, Достань-ка, друг, билет,
Закурим, как солдаты перед боем.

Здесь завтра топори заговорят
И пилы поработают насаду,
Зверьё и лесом этот край богат,
И лучший лес мы подготовим к сплаву.

Чтoб там, где отгремел грозой бой,
На обгоревших кровью пеньяшках,
Из вавих брёвён, пазуных смолок,
Построили просторные жилища.

МАК

Каждый год, лишь просохнет земля,
Схлынет в реки весенняя капля,
Расцветают зарёй на полях
Отропчатые, пышные маки.

Солнце сушит росу поутру,
Пчёлы кружат у розовой чаши,
Мак стоит на горячем ветру
И прожогом привлекливо машет.

Где увидишь его, — вспомани
Путь великий от Волги до Прута,
Оналённые пороком дни,
Над Московью зарницы салюта.

И простому цветку поклонись,
Здесь, на месте непамятного боя,
Он расцвёл — утверждающий жизнь,
Символом мести и славы героя.

Олег Полевой

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Нам в юности выпала трудные годы,
За тысячу лет не увидит таких:
Походы, сраженья и снова походы,
И каждому даться пришлось за троих.

Нам хлеб на дороге судьба послонила
Слезой материнской и в бой повела,
Нам грудь пудометная дала крестилья,
А ненависть нашей святыней была.

Но разве врагов бы солдат ненавидел,
Хотя б он любовью своей не горел?
К земле, где впервые он солнце увидел,
Где песно услышал и сам её спел!

Мы видели часто и кровь и пожары
И донына всё в эти дни до конья,
Что сердце солдатею каждому ударом
Должно останавливать вражьи сердца.

Лесничушки

Звезда

— повесть —

Рис. Г. Валька

(Продолжение)

Краткое содержание предыдущих глав

Москва, лето 1942 года. Профессор А. Хабинков получает письмо от матери сына Евгения. В бумагах сына профессор находит письмо, адресованное С. Сосновой, и передает его на имя писателя.

Писателя по имени Женя Хабинкова Сова Соснова встречает на вокзале в Зауральске там она работает в читальне Дворца культуры. Къ попутчиком оказывается знакомый профессора Хабинкова, покойный инженер Голованов. Он общительный, но несколько легкомысленный собеседник. Голованов предлагает Сове переехать к нему на дачу тамто под видом сношенний. Сова отнекает от предложения.

Инженер Голованов работает на вагонном оборотном заводе «Первое Мая». В нем «из» этого завода производятся новые вагоны, огромной разнотипной силы. При таинственных обстоятельствах в нем возникает пожар.

В Зауральске Сова Соснова встречает товарища Женю Хабинкина, инспектора по охране заповедника «Первое Мая» — Шорнина. Он прокладывает некоторый интерес к Голованову и особенно к леснику, который тот берет для чтения в читальне. Основу удивляет странная просьба Шорнина он просит ее закончить, что на пометочной тетради Голованова, второй том видоизмененного словаря Брокгауза и Ефрона.

Далеко от Зауральска, по ту сторону фронта, в городе Пинеж, под именом невесты товаст русские люди. Командир Пинежа полковник Шпанск называет бургомистра города — Ерофеева, человека с выдающимися качествами. Он участвует в провозной работе в качестве заместителя начальника Тузова.

Другой русский, находившийся на службе у немцев — молодой инженер Сергей Изюмцев, — вызывает полковника полковника Шпанска и грузин. Вместе с ним фон Мангейм. Они начинают думать, что Изюмцев знает немецкий язык и сообщает партизанам военные тайны немцев. Но полковник партизанам востановил тайны немцев. Но Изюмцеву, стрелково важной стратегической дороги, удается.

«Другой» Ерофеев живет в одном отделе, ит, обнаружив нехватку писем, он находит Изюмцева и Шпанска, идет в административный отдел полковника Шпанска и сообщает ему, что Изюмцев знает немецкий язык и сообщает партизанам военные тайны немцев. Но Изюмцеву, стрелково важной стратегической дороги, удается.

Грузинский фон Мангейм занял охоту на леса и взял с собой в качестве проводника партизанского отряда Изюмцева, чтобы тот привлек к Ерофееву и сказал свое мнение о нем.

Грузинский фон Мангейм занял охоту на леса и взял с собой в качестве проводника партизанского отряда Изюмцева, чтобы тот привлек к Ерофееву и сказал свое мнение о нем.

Глава XVIII ПРО ЧТО КУКОВАЛА КУКУШКА

Охота грузинского фон Мангейма началась с того, что он, проснувшись, вытаращил в сорочку, сидевшую на суку, и промолчал.

Сорока улетела. Фон Мангейм постоял на поляне и приказал налить себе из термоса кофе. После того как ухлебал Изюмцев, фон Мангейм потягивался безмятежно. Уверенность молодого русского, его хладнокровие хорошо действовали на грузинского. По правде говоря, фон Мангейму хотелось вернуться, но мысль Шпанска, который откладывал о встрече с командантом останавливала его. Шпанск, конечно, полюбил, почему грузинский потерял вкус к охоте на асы. В конце концов это он, Шпанск, пригласил прогладь для того, чтобы Изюмцев ушел в самом начале охоты. И если фон Мангейм вернется, не убив этого проклятого асы, хорош он будет в глазах офицеров!

Узкая дорожка лежала перед грузинским. По этой тропке надо было идти до тропинки, а потом дойти до места, называемого по-русски «седей», то есть до вырубленного леса. Здесь люди Изюмцева видели следы асы, здесь пахонкин Мильбах убил волкосодею животное, рога которого украшают офицерское казимо.

Фон Мангейм приказал шоферу оставаться на поляне, у машины, а сам, взяв с собой болатные сапоги, в сопровождении двух вестфальцев зашагал по тропке.

Один из вестфальцев — Готвальд — шел несколько впереди: ему было приказано держать автомат наготове. В сущности, это была инициация предосторожности. С тех пор, как началась война, в этих местах никто не слышал о партизанах.

И вот же этот розкошам шумевший лес, в котором были разбросаны парализованные вытопки, дятлоны, осколки снарядов, гранаты и костяки группы в истлевших темнотоземных куртках, навидо бесприничную картину. Слышались слыта, здоровенные вестфальцы в недоумении и тревоге сиделись по сторонам, особенно когда тропка кончилась и надо было свернуть на темную тропинку, где под ногами хляпала вода.

Они шли уже больше двух часов. Облака поредели, пригревало солнце, и в густом молодом лесу не стало светлее. Где-то далеко справа прокуковала кукушка. Готвальд вдруг остановился и показал рукой на землю. На влажном мху следы видны были овалы, наполненные водой след. Дальше след терпелся — тропинка была завалена пожегшей листвой.

Фон Мангейм заставил вестфальцев идти тише. Теперь кукушка куквала где-то слева.

«Къ здесь много этих противных, называемых стокку птиц», — вслух подумал фон Мангейм.

И точно в ответ его мыслям кукушка прокуковала где-то слева. Через некоторое время охотники попали в бурелом. Приходилось то и дело перелезать через стволы поваленных деревьев. Фон Мангейм стокку ухлебал следы асы. Нет, подумал он, и как раз в этот миг дважид прокуковала кукушка. И вслед за тем леснику тишину разбил выстрел. Шпанск и Готвальд вступили в разговор с названчич. Фон Мангейм судорожно обхватил второй вестфальц падал на землю лицом вперед. В то же мгновение нога Шпанска встала на ногу второго вестфальца: стволы Ерофеева падали кукушкой вверх, земля ушла из-под его ног, чѳрния бездна сомкнулась перед глазами, и он потерял сознание.

Номонданд Пинежа Шпанск жид к горному, в дачной местности, в парке, спускающемся к реке. Дача стояла на обрыве. Высокие ели, прямые аллеи, цветники, беседки на берегу — всё развилось жид в те времена, когда асы еще были. Но с тех пор как в Пинеже появились немцы, с тех пор как здесь, в дачной местности, поселился командант Шпанск, дом был окружен колючей проволокой. Высокие забора оканчивались стелами отсюда, чудесный пейзаж Зеречья, и трудно было понять, зачем это любитель природы Шпанск поселился здесь. Дом, в котором он жил, был совершенно отгорожен от остального двора. Это впечатление домыслил два вышки для солдат-пулеметчиков.

Как только Изюмцев переступил порог запертого дома, он услышал звуки шкорова, жонжон, смех и голос Шпанска, но все сразу легким орущим немцукому вошному песню. Он понял, что происходит идирушка.

Шпанск крикнул Изюмцеву со смехоздительно и сонным видом и, подгородившись, втолкнул его в полуоткрытую комнату.

«И сегодня отхлужи, но дело прежде всего!» — Готвальд говорил, жид он ждал, жид у нас обухи еще не шумит в столое.

Заложив руки за спину, он долго смотрел на Изюмцева:

«И что ты говоришь, жид он ждал, жид у нас обухи еще не шумит в столое. Какое тебе дело? Должны будем заплатить мм. Вы будете отхлужи. Вам следует отдохнуть после трудов».

Изюмцев молчал.

«И выверены, Готвальд? Это почетная должность, и Шпанска Ерофеев не достоин занимать такой высокой пост. — Шпанск как-то загадочно произнес эти слова. — А теперь идите пить и вселестись».

«Каждым заложил? Должны будем заплатить мм. Вы будете отхлужи. Вам следует отдохнуть после трудов».

Изюмцев молчал.

«И выверены, Готвальд? Это почетная должность, и Шпанска Ерофеев не достоин занимать такой высокой пост. — Шпанск как-то загадочно произнес эти слова. — А теперь идите пить и вселестись».

«Каждым заложил? Должны будем заплатить мм. Вы будете отхлужи. Вам следует отдохнуть после трудов».

«И выверены, Готвальд? Это почетная должность, и Шпанска Ерофеев не достоин занимать такой высокой пост. — Шпанск как-то загадочно произнес эти слова. — А теперь идите пить и вселестись».

«Каждым заложил? Должны будем заплатить мм. Вы будете отхлужи. Вам следует отдохнуть после трудов».

«И выверены, Готвальд? Это почетная должность, и Шпанска Ерофеев не достоин занимать такой высокой пост. — Шпанск как-то загадочно произнес эти слова. — А теперь идите пить и вселестись».

«Каждым заложил? Должны будем заплатить мм. Вы будете отхлужи. Вам следует отдохнуть после трудов».

* См. №№ 7—14.

— Три месяца, пока была в госпитале: кое-что дада школы. Основательно, надо сказать, выжидала эти месяцы?

— Может быть, пора кончать?

— Смотря кому...

— Таясь гонимой замесалась и упала на такту.

— Положительно польза с этой хотужной тапшотой, — сказала Илюшонен, возвращаясь к столу.

Илюшонен намяла выпла, выпила, взяла гитару и запела:

Силая ночь, ауной был понос слез,
Сидела мы с тобой в гостинной без
огней...

Наступила тишина. Шивелк, запрокинув голову, мечтательно уставился в потолок и снова грустно вздыхал.

— Нискарвай, сидишь на такте в полумраке, глядела на него и думала о том, что на душе у этого септиментально-пожилого тысяча тысячечесовских женщин — тыщи безмолвно убитых детей, женщин, стариков и молодых людей в цроте сил...

Глава XX НОВЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Город Зураульск был полон толпами о поже на заводе «Первое Мая».

Но было дома в городе, где бы не говорили о разрушенных цехах, о жертвах, о том, что среди погибших оказался человек, который никто никогда не видел на заводе. Огонь появился в цехе «К». Выпрыгнули так называемые концы — пакля, которая вытравит руки рабочим и бросит обычно в железный ящик. Именно в этот ящик и выпала пакля. Неожиданность поблизости явды сразу бросилась к огнетушителю. Несмотря на их усилия, тут же загорелась перегородка, и спустя пять минут всё, что было деревяниво в цехе, уже пылало. Огонь, переброшившись на склад, где находилась взрывчатая смесь, грозила вызвать взрыв огромной разрушительной силы.

Особо этого не случилось потому, что в момент пожара из склада не было ни крупной взрывчатой смеси. Всё было убито после того, как необходимая для испытания пакля была повоза тига была отослана на полигон.

О пожаре на заводе больше всего говорили в рабочем поезде.

В числе других так уже второй год жил эвакуированный из Днепропетровска мастер Фёдор Макарович Бугров с дочерью и сыном.

Бугров сильно тосковал по родному городу, по квартире с балконом, а тут были видны Днепр, железнодорожный мост и прибрежный парк. Здесь, как у Раёла, семья Бугровых прождала первую суровую зиму. Шура перенесла воспоминания летней жизни, сильно страда от жары. Но зимой 1941—1942 года была такой зимой дадл всей страны.

Весной жизни Бугровых немного наладил их перевод на пролетарий землени в только что отстроенные баракы. В комнате напротив их квартиры поселился спокойный жёлт — мастер завода «Первое Мая» Гонимый Юлюшонен Томашевич, он спорила с инженером и специалистом Шуры, которая почему-то прозвала его мухомором, но подружилась с Юрой. Шуру он видел редкой она работала телеграфисткой на военном телеграфе, большей частью по ночам. Юру отец определял на завод, и Томашевич часто заступался за него, когда Фёдор Макарович укорал в чём-либо сына.

Томашевич и Юра были больше охотники решать ребусы, головоломки и крестоловники. Каждый раз, когда Томашевич ловыла новый журнал, они с Юрой устривались поближе к свету, и вечернее можно было слышать их разговоры. Томашевича и амающийся, мальчишеский голос Юры:

— Персидский царь — пять букв?

— Царь.

— Река в Индии — четыре буквы?

— Ганг.

Старую Бугрову эта игра нравилась. Свекру, как они решали крестоловники, он узнавал названия городов, рек, имена исторических личностей. Ему было приятно, что сын всё же прочёл немало книжек и кое-чему научился в тринадцать лет.

К Томашевичу Бугров относился уважительно, хотя знал, что это был ёртый казак, искал счастья даже в Америке. Томашевич разговорчив с Бугровым несколько спалося — старик это чувствовал и смущался. Таким образом, единственным собеседником Томашевича был Юра.

Жил Томашевич замкнутой жизнью, на заводе ни с кем не сблизился, временами ходил в читальню, просматривал там подложку. Оши только Юра имел право входить к Томашевичу в комнату, и то, конечно, в его присутствии. Юра Бугров был алюбвателю, склонно ко всему необычному и притом настроен воинственно, — словом, это был подросток военного времени, не пропускаяши ни одного сообщения по радио, следивший по карте за всеми передвижениями войск, интересовавшийся типами танков и самолётов не только нашей армии, но и противника. К тому же он был очень наблюдателен, и это не раз вылилось из себя его сестру Шуру, которая никому не позволяла вмешиваться в её личную жизнь.

Однако, как это ни странно, резко его отношение променяло у Томашевича не с Шуры, которая звалила его презрительной каткой «Мухомор», а с его приятелем — Юрой. Случилось это следующим образом.

Однажды вечером Юра появился на пороге уменькой, похожей на куле жёсткого вагона компании Томашевича. Томашевич не слышала его шагов: он сидел за столом и на уюкой полочке бумаги тщательно выделывал длинные колонки цифр и календы буквы. Юра решил, что Томашевич занимается решением крестоловников, и стараясь не шуметь, похврался к нему. Томашевич внезапно поднял голову и, увидев Юру, страшно рассердился, выругал его соглядатей и выгнал из комнаты.

Трудно передать, как это обидело Юру. Огривнувшись, он вышел из комнаты и решил «кавказка порвать» с Томашевичем. Однако полчасца спустя Томашевич зашёл к Фёдору Макаровичу ололжить щепотку махорки — и Юра пошёл с ним напрогулку. Томашевич позвал Юру к себе, пообещав ему кат науку старых журналов, купленных на рынке в прошлые воскресенья, — и Юра охотно сменял тив на милости он вёлся к компьютеру, откуда его полчасца назад только свирепо изгнали.

Тишину разбили два выстрела.

и пока Томашевич доставал запертые журналы, увидев в железной пещурке сматую бумажку, ту сматую, которую так тщательно доиспытывал цифрами и буквами Томашевич. Мальчишеское любопытство заставило его выхватить из рук Бугрову одну крашку бумажки и незаметно спустить в карман. Его очень интересовало, какую именно головоломку тайком решил Томашевич.

Тем временем Томашевич торжественно извлек пакет прошлых годовых иллюстрированных журналов и вручил их Юре, взяв с него слово, что он возвратит их не позднее завтрашнего дня.

Увидев пак в сумке, Юра занялся журналами, но тут же вспомнил о бумажке. Он тщательно разглядел её и стал изучать, но несмотря на солидный опыт в области решения ребусов, головоломок и крестоловников ничего не понял в этих цифрах и буквах, выписанных в четыре колонки на узком листе бумаги.

— Что у тебя? — небрежно спросила Юру сестра Шура.

Она собралась на работу, и так как и её временами развлекали «головоломные» упражнения Юры, она заглянула в бумажку, которую тот вынул из сумки.

Но без удивления Шура посмотрела на брата:

— Юрка! Это ж шифровка! Откуда ты это взял?

— Какая там шифровка? Чего ты пере- рождаешь — в свою очередь удивилась Юра.

Но незаро Шура работала на военном телеграфе: это действительно была тайнопись — шифр, шифрованный залеска.

Вскоре произошла случай, изменивший прямую связь с отрядами, которое сделала Шура Бугрова.

Как-то днём в читальню Дворца культуры вошёл коротко стриженный британец с маленьким рюкзаком, полным газетками и глазами. Железная складная алейка чинала из кармана его булзы. Он прошёл в читальню, взял просмотрел газету, потом подошёл к столу портрета 22-летом Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Соя машинально пошла за пакетом, но попросила у посетителя читальни удостоверение личности. Идентифицировать в виду портрета, он просил её Шорину. Она погладела на удостоверение личности, которое оставил посетитель, и прочитала имя, отчество и фамилию «Геннадий Юлюшонен Томашевич».

Она пошла на номер телефона Шорина и позвонила ему:

— Вы не забыли то, о чём вы мне писали?

— Конечно, не забыл.

— Ну вот это случилось.

— Очень хорошо. Я скоро буду у вас. Чоловец, по фамилии Томашевича, минут тридцать прожалева вам словарь, потому верни его и унёс, получив обратно своё удостоверение.

Сон была немного удивлена тем обстоятельством, что Шорина пришла только к портрету. Она просмотрела этот портрет, ошнть внимательно перелстала его, ишла нужные страницы и стал разглядывать их через лупу.

— Конечно, — сказала Шорина, показывая Сон раскрытую книгу.

Сон посмотрела и пожалась лачами. Тогда Шорина показала ей еле заметные следы резинки, обыкновенной школьной резинки. Калькулятор пометки в книге были аккуратно стёрты.

— Вы не спрашиваете фамилии человека, который брал у меня этот том словаря? — сказала Сон.

— Фамилия — Томашевич?

Сон изумлённо посмотрела на Шорину. Помолчав немного, он сказал:

— Я должен поблагодарить вас. Прочту все продолжение и обязательно дам вам своим запросам гражданина Томашевича...

Несмотря на обычный, непринципиальный, несколько рассеянный язык Шорина, Сон показывалась, что он был чем-то очень доволен.

(Продолжение следует.)

В поисках нового Тимура

Пятиклассник пошёл в кино. Он просидел полтора часа в зрительном зале, впились глазами в экран, но плашка, когда страдал его любимый герой, он готов был броситься на экран, когда за героем гнались враги, он бурно аплодировал, когда побеждал герой.

Мальчик вышел из кинотеатра с сияющими глазами.

Пройдёт много лет, но этот мальчик будет помнить героев фильма, вызволивших его в детстве.

Салтыков-Щедрин в своих высказываниях о детской литературе говорил, что писателю кто истинному салдовало бы изучать историю ребёнка, подстеречь его наклонности. Эти слова великого русского классика, сказанные в конце прошлого века, следовало бы помнить людям, делаящим юношеские кинокартины.

Нигде в мире вопрос искусства для юношества не уделяется такого внимания, как в нашей стране. В самых передовых странах Европы и в США нет специальных организаций, призванных работать для детского зрителя. В Советском Союзе существует сеть театров для юных зрителей, специальных кино. Для производства художественных фильмов, адресованных детям и юношам, в кинотеатрах существуют с прекрасным оборудованием, с кадрами высококвалифицированных творческих и технических работников. Эта студия повышает себя искусству для детей. С каждым годом искусство кино должно совершенствоваться и расширяться.

В первые годы существования студии детских и юношеских фильмов «Союздетфильм» открылись серьёзные трудности. Заселись учителя, были и ошибки; споры, горячие дискуссии были неизбежными спутниками творческого труда.

Начав с «Новых путешественников» (режиссёр — Ю. Фрадкин) и «Айболит» (режиссёр — В. Немолова), постепенно своей деятельностью пришла, имея такой актив, как «Белеет парус одинокий» (режиссёр — В. А. Логошин), «Детство» и «Взлёт» (режиссёр — М. Донской), «Тимур и его команда» (режиссёр — А. Раузин).

В эту пору работники студии, объединённые подлинными творческими задачами, понимали, что именно требовалось от них. Нередко возникали перед коллективом спорные вопросы: какими методами работать, какого рода фильмы нужны зрителю? Одни утверждали, что каждый режиссёр студии должен иметь собственную студию и педагогов, другие настаивали на привлечении педагогов и научных работников разных областей в помощь режиссёрам, в качестве консультантов. Остро дебатовался вопрос о привлечении педагогов и научно-фантастическом фильме, о детской комедии, о школьном фильме.

Высказывались различные точки зрения и по вопросу о героях фильма для детей. Если одним казалось правильным делать картины со маленькими для малышей, то другие склонялись было избирать только взрослых героев, подобных Чапаеву, справедливо замечавшему симпатии юного зрителя. Много спорили и о возрасте зрителей. На кого ориентировать детские фильмы: на учащихся младших и средних классов школы или на юношество?

Ответ на эти вопросы мог дасть только творческая практика. Здесь не могло быть готового рецепта. Однако совершенно неоспоримым было одно, — что юный зритель с одинаковой радостью примет фильм и о «больших» и о «маленьких», если события в этих фильмах правдивы, если в них нет фильмов, ложной политики и самонадеянности, если сюжет сценария увлекателен.

Ведь не случайно у режиссёров всех возрастов таким огромным успехом пользуются герои «Чапаева» (режиссёр — братя Васильевы) и герои «Красных дьяволов» (режиссёр — Перистини). Секрет успеха этих фильмов — разный по жанру и по содержанию — в том, что они базируются и понятны каждому, что героям этих фильмов хочется подражать, что герои эти будят чудесные качества, заложенные в ребятах, и формируют характер детей.

Но вот в кинематографии появился адепт «создатей детского Чапаева» — Леонид Гаврилович Гайдар. На Ленинградской киностудии возник фильм «Федка». Похожий фильм. Фальшивый, фальшивый потому, что поступки и действия его главного героя не подкреплены той логикой событий, тем характером героя, которые делают их законными в «Ча-

Кадры из любимых юношеских фильмов (сверху вниз): «Чапаев», «Тимур и его команда» и «Белеет парус одинокий».

паева». Фильм провалился. Вместе с ним провалились и картины студии «Союздетфильм» о взрослых, картины, которые направлялись не в адрес детской аудитории, а только снабжались нарисованным (или спешившим) обязательным героем-ребёнком, которого на студии ядовито прозвали «дежурный мальчик».

Восторжествовала правда. Юный зритель принял те картины, где честным и правдивым языком говорили ему о жизни ребёнка и маленьких — жизни такой, как она была. Чуткий юный зритель полюбил Гаврица и Петку из фильма «Белеет парус одинокий», Тимура из фильма «Тимур и его команда» потому, что это были не «дежурные мальчики», а подлинные дети-герои, которые парусу со взрослыми, а не подменяя их, жили собственной жизнью, совершая поступки, вызывавшие желание подражать им. Галла на них, юные зрители хотели стать такими же, и в этом была огромная воспитательная ценность этих кинокартин.

В этот период на студии «Союздетфильм» затронулись опытные режиссёры и операторы, появились молодые творческие кадры, знавшие педагоги и свои маленькие актёры, без которых студия не могла бы справиться с поставленной задачей детских картин. Казалось, дело поставлено хорошо и прочно. Юный зритель был вправе ожидать хороших произведений.

Медленно, как это ни странно, в самый ответственный период своего существования — в дни Отечественной войны — студия «Союздетфильм» оказалась неспособной создать фильмы, которые отражали бы творчески участие молодёжи в войне и в великой битве против немецко-фашистских захватчиков, за честь и свободу нашей родины, которые звали бы его на войну, на подвиг, будили неизвестно как пригрозив, неизвестно откуда. Несмотря на гордость советскими людьми. Студия не сумела использовать неиспользованный богатейший событиями, подлинной романтикой борьбы фронта, который мог бы послужить для создания многих фильмов о героях фронта и тыла.

Дети-герои Севастополя, Ленинграда, Одессы, борьбы партизан, фронтовые повстанцы воинов Красной Армии, тимуровское движение в тылу, вопросы долга, чести, морали, дружбы — какое богатейшее поле деятельности для художника, любящего свой искусственный Но — ушли — юношеских фильмов не...

В стенах «Союздетфильма» попытки и попытки нахлестанные кинематографией для юношества, фронтальные повстанцы воинов Красной Армии, тимуровское движение в тылу, вопросы долга, чести, морали, дружбы — какое богатейшее поле деятельности для художника, любящего свой искусственный Но — ушли — юношеских фильмов не...

В условиях эвакуации, находясь в Сталиноблде, студия не выпустила ни одной высокохудожественной кинокартины. Ряд фильмов, снятых «Союздетфильмом» за годы войны, положен «на полку». Из вышедших на экран картины можно отметить только «Новые похождения Швейцарца» (режиссёр — Итальва), которые как в какой мере нельзя отнести к числу юношеских фильмов. А так называемая вторая серия «Тимура и его команды», появившаяся в частую случаем и в отсутствие другого режиссёра, не может быть принята всерьёз. Этот фильм не имеет ничего общего с картиной, поставленной по сценарию писателя Аркадия Гайдара.

Другие студии, оказавшиеся в условиях эвакуации, дали за годы войны замечательные произведения, отмеченные Сталинскими премиями («Мосфильм», «Ленфильм», Киевская студия). Следовательно, причины неудовлетворительной работы «Союздетфильма» лежат в эвакуационной обстановке. Они коренятся глубже: дело, видимо, в тех творческих принципах, которые сложились в эти годы студия киностудии кинематографии.

Люди, посвятившие себя детской и юношеской кинематографии, должны работать на фильмах, способствующих формированию характера нашего молодого поколения. Они должны объявить беспощадную борьбу с «искусством», с теми, кто пытается искусственно «отколдовать» и «шаржировать». Нужно направить на студию талантливую режиссёрскую молодёжь. Нужно, чтобы Институт кинематографии, готовящий новые кадры работников киностудии, уделял особое внимание и поддержке людей, желающих посвятить себя работе в области юношеской кинематографии. Используя творчество фронта и тыла, юношескую кинематографию должны создавать правдивые образы, которые бы увлекали молодёжь, рстали ей, служили бы ей образцами для подражания.

Всё это в возможности советского кино, в возможности нашей кинематографии должно прийти на это поприще и создать большую юношескую кинематографию, призванную воспитывать советское молодое поколение в духе учения Ленина — Сталина.

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ РУССКОГО НАРОДА

Дарина Тимирязева — этни и ригу других славянских и индоевропейских вышедшие князя.

С. Натерный в своей книге воссоздает яркий образ замечательного русского путешественника Г. Я. Седова (1837—1914 годы). Сын барона с берегов Дона, Георгий Седов благодаря огромной выносливости и силе воли пробыл самым дальним организатором роки и стал юным офицером.

Мировая общественность в 1909—1912 годах с интересом следит за путешествиями к полюсам американца Пири, немца Амундсена, англичанина Скотта, итальянца герцога Арундо. Седов, гордый патриот своей родины, выдвигает проект организовать русскую экспедицию к Северному полюсу.

Пролодел неодолимые, волокуты, различные штурги чинювника. Седов 27 августа 1912 года на судне «Святый Фока» отплыл в первую русскую экспедицию к полюсу. Экспедиция с первых шагов не повезло: пришлось зимовать на полуострове в Новой Земле. Лишь через год во льдах открылась дорога дальше на север. Уже не хватало продовольствия и угля, но Седов твердо продолжал путь к полюсу. У Земли Франца-Иосифа кончилась топливо для парохода. Снова зимовка. Началась цинга. Седов, больной, с двумя матросами

отправился на собак к полюсу. Замечательны страницы, где описываются последние дни Седова. Тяжело больной, он остался верен своей идее и до последнего часа двигался вперед на север, сначала на лыжах, затем, когда он уже не мог ходить, — на санях. Только смерть остановила великого путешественника.

Брошюра Ю. Илизина «Казак» является первой в нашей литературе популярной биографией величайшего русского волевого. Кавказ сыграл выдающуюся роль в истории русской культуры; свои постройки он создал архитектурный облик Москвы XVIII—XIX веков. Ему принадлежат важнейшие общественные здания старой Москвы, являющиеся и сейчас украшением нашей столицы.

Более dozens проектов и зданий создал он за свою жизнь. Одно из творений Казакова — знаменитый купольный зал в Кремле, где проходили заседания правительственных органов фронта и тыла. Жизнь и неутомимой деятельности отца русской авиации — И. Е. Жуковского — посвящено интересная брошюра Я. В. Гумилевского. Имя замечательного ученого только в советское время получило заслуженное признание, но лишь после Октября по-настоящему широко применение основные труды его жизни. Еще до войны 1914 года при Высшем тех-

ническом училище Жуковский организовал курсы авиации. Отсюда вышли первые русские летчики. В 1918 году курсы были преобразованы в Московский институт инженерно-воздушной флота, ставший затем Военно-воздушной академией. Жуковский возглавлял созданный в декабре 1918 года летательный корпус. Летательный воздухоплавательный институт (АЭИ). Ныне оба летчика великого ученого, ставшие крупнейшими в нашей стране специалистами авиационной науки, носят его имя.

Брошюра К. Осипова рассказывает о деятельности И. Степановича Флоренце и патриоте адмирале Макарове. С. О. Макаров был учеником двух воли. В русско-турецкую войну 1877 года он приобрел широкую известность своим проектом борьбы с турецкими флотом на Черном море при помощи подводных мин. В русско-японскую войну 1904—1905 годов Макаров принудил турецкий флот спрятаться в портах на все время войны.

Крутейший злоток альпериосточных морей, он был в первые же дни русско-японской войны назначен на пост командующего Тихоокеанской эскадры. Приехав в Порт-Артур, Макаров развернул кипучую деятельность. Он задувал в маршак и солдат — защитников Порт-Артура — ту несокрушимую стойкость и мужество, благодаря которым крепость выстояла под непрерывным огнем врага.

Размеры краткой статьи не позволяют остановиться на других брошюрах серии «Великие люди русской истории». Хотелось бы лишь только подчеркнуть, что начато нужное дело. Но это — только начало. Советская молодежь хочет знать о деятельности выдающихся выдающихся деятелей русского государства, она ждёт от издательства выпуска других биографий замечательных людей прошлого. Необходимо и надо, в частности, биографии великих государственных деятелей России, революционеров, в которых ждёт своего воплощения.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» осуществляет очное спонсирование в рамках этого: оно начало выпуск серии популярных биографий великих людей русского народа. Молодой читатель уже давно нуждается в книжке такого рода. И вполне понятно, что 20 брошюр из этой серии, уже вышедшие в свет, были встречены с большим интересом.

Не все книги этой серии стоят на одинаковом идейном и художественном уровне. Повзрослевшие в последние годы в нашей стране читатели оценили некоторые произведения справедливо отмечают их недостатки. Однако отдельные неудачи не могут снизить воспитательное значение предпринятого издательства «Молодая гвардия» выпуска биографий великих людей русского народа.

Одни за другим встают перед молодым читателем в этих книжках замечательные образы русских писателей, художников, учёных, путешественников, воителей. Музыкальный критик профессор А. С. Богуславский знакомит нас с жизнью и творчеством родоначальника новой русской музыки композитора Глинка. Книга академика Е. В. Тарде посвящена славному деятелю адмирала Нахичева. Профессор И. К. Абрамовский рассказывает о богатой творческой жизни великого русского писателя Льва Толстого. Пушкин и Маковский, Чаковский и Репин, соратник Суворова адмирал Ушаков и первый русский путешественник к Северному полюсу Седов, великий педагог Ушинский и гениальный физиком Панаев — замечательный артист Шенкин и крупнейший продюсер дела

«ОСТРОВ ПАРашИСТОТОВ»

Этот остров находится где-то у атлантического побережья США. Он был необитаем до тех пор, пока на него не обратила внимания комиссия, выбравшая подходящее место для тестирования отрядов парашютистов морской авиации. Изобилие в нем много времени, чтобы востроить здесь для аэродрома, жилища, электростанции, парашютисты выжили, бодрину и несколько лабораторий. И тогда отборные молодые моряки — в большинстве добровольцы — сделали обитателями острова Х.

С первых же дней обитателей «острова парашютистов» начинали приучать к двум стихиям: воздушному и атлантическому океану. Парашютисту необходимо научиться плавать лучше, чем рыба, потому что на одной рыбе не провалятся целый ряд одежды и с оружием. Он должен уметь грести, править ларуской шлюкой и моторным катером. Потом его бросают на самолёт. Это не лёгкая задача, в которой летчик чувствует себя почти как в автобусе: знакомство с воздушной стихией начинается с маленького учебном самолёте, выполняющем такие фигуры высшего пилотажа, после которых первый шаг в высоту является уже горлоломным прыжком. Будущие парашютисты прыгают волюю и днём, на ровную лужайку, в воду, на специально оборудованной в районе сооружений. Они должны научиться минимизировать препятствия и в совершенстве пользоваться способностью парашюта поворачиваться воле естественного.

После нескольких прыжков парашютист получает дополнительные задания: он ведёт в воздухе радиопередачу, делает снимки, отстреливается...

Нельзя специальных задач, доступных у парашютиста и после освоения на землю. Он проходит на острове Х курс, знакомящий с приемами разгрузки важной стратегических объектов противника — электростанций, радиостанций, железнодорожных узлов, мостов. Ученые хорошо владеют ножем обязательно для каждого парашютиста, так же как знание разнообразных приёмов борьбы, в которых тот участвует всё.

На острове Х испытывают не только людей, но и всевозможное оборудование, начиная с парашютов новой конструкции. Нужна большая смелость при такой работе: раскрывают ли не раскроется парашют, вылезает ли из удух о воздух новый материал? На этот вопрос всегда немедленно отвечают заранее. Юноши прига-

«На Пензе. Гравюра на дереве Н. Мочалова.

ют а океан с парашютом, служат в нормальном полёте сильнейшим и снабженным специальным устройством, поддерживающим упругость в море на поверхности воды. Все эти опыты порою доставляют порочидно беспощадно испытание островам.

Здесь испытывают также жесточайшую обузу, проверяется маскрированные свойства различных тканей, предельных и дурных веществ в ночной темноте. Даже лица и ушки не избегают маскировки — их покрывают чёрной краской, чтобы предотвратить парашютиста в естественной-тендямии.

Проходят определяющие сроки и население необитаемого острова — метеоролог и моряк сдарились опытным парашютистом, покидают земной берег, покрывают пальмами, среди которых строят аэродром и возводят широкие дороги. Их смелость, остротой контингент авиации.

Имя А. Морозов

КРОССВОРД

Составил читатель «Самыя М. Кушнин
(город Макеево)

По горизонтали:

2. Сила притяжения тела к земле. 4. Французский историк. 6. Известный артист театра имени Вахтангова. 8. Испанский народный танец. 9. Паут, паутина. 11. Итальянская денежная единица. 13. Химический элемент. 15. Бог полей, гор и лесов в древнеримской мифологии. 16. Стрелы. 18. Монгольский пастух. 20. Открытие в миллиард столетий. 21. Населенный пункт. 23. Площадка для велозвож. 25. Марка автомобиля. 26. Растение. 27. Пыеса А. Н. Островского. 29. Река в СССР. 31. Композитор. 32. Школьная дисциплина. 34. Деревцо. 36. Житель Арамии. 38. Древнее сказание. 39. Капша. 40. Морское животное. 42. Уревление. 44. Минерал. 46. Одежда свищеискусствителя. 47. Домашнее животное. 48. Помещение для автомобилей. 50. Титул абиссинского вельяхи. 52. Украшение. 54. Ограниченное пространство. 55. Шифр. 58. Сильный удар мачой по футалярской веревке. 57. Часть театра. 58. Сказание. 59. Электрод. 60. Тенисная площадка. 62. Выбор для измерения глубины. 64. Жидкость. 66. Озеро в Армении. 67. Слуга. 68. Государство в Южной Америке. 70. Отделение у ствола дерева. 72. Волны процедура. 74. Блестящая краска. 75. Стальной канат. 76. Шахматная фигура. 78. Место союдения двух тканей. 80. Рынок. 82. Привозный меховик. 83. Обозначение армени. 85. Расстрой функции организма, вызванное психическим потрясением. 87. Нарост на череве у животных. 88. Превное название Тая. 89. Настольная игра. 91. Знак. 93. Советский писатель. 94. Индивидуальное исследование. 96. Небольшие. 98. Имя известной советской эстрадной артистки. 99. Овоц. 101. Республика в Америке. 103. Французский композитор. 105. Геометрическая фигура. 106. Медное решето. 108. Бог солнца в древнем Египте. 109. Ближайшее церковное учреждение. 111. Часть сочинения, составляющая отдельную книгу.

По вертикали:

1. Перенос кушаний. 2. Жесткое имя. 3. Город в Араии. 4. Воинское подразделение. 5. Жидкие животные в земле. 6. Сигнальный рожок. 7. Сусуд для цветов. 8. Город в Узбекской ССР. 9. Обслуживающая гавань. 11. Герой гражданской войны. 12. Повальная смерть, эпидемия. 14. Уаюкочка. 15. Старая русская мера веса. 16. Место смерти судью. 17. Часть джоры. 19. Гидравная мысль произведения. 20. Вспомогательное сооружение вокруг ступицевого колеса. 21. Ширь. 22. Старый человек. 24. Река на Кавказе. 25. Столица союзной республики. 26. Личный зверь. 28. Юридическое учреждение. 30. Блодо. 31. Военное устройство. 32. Кутыла. 33. Продукт. 35. Сосновый лес.

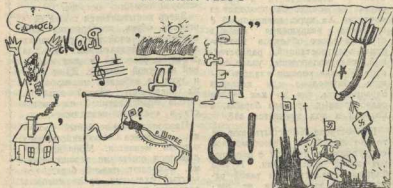
МОЯ СЕМЬЯ

Моя семья велика — она состоит из семи человек. Но живём все мы в разных местах Советского Союза.

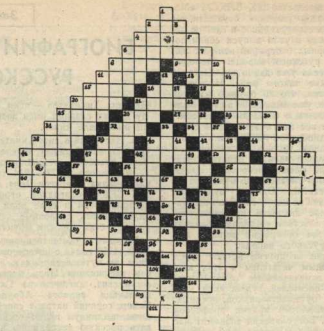
Я перебежал сейчас в город, недавно освобождённый Красной Армией от немецких захватчиков. Название его можно встретить в любом союде. Старший брат живёт в городе, который носит одно с ним русское имя. Отец в настоящее время находится в крупном городе, стоящем на притоке большой сибирской реки. Если к названию этого города приписать спереди букву, то получится город, где работает мой младший брат. Старшая сестра руководит строительством близ устья реки с семьёй коротких названий: оно одинаково читается как слева направо, так и справа налево. Младший брат — на полярной станции. Она расположена на полуострове, одноимённом со знаменитым советским ледолодом. И, наконец, наша бабушка живёт в стране, на берегу большой реки; название реки и имя бабушки совпадают.

Попробуйте определить названия городов, полуострова и рек, близ которых мы находимся.

ВЕСЕЛЫЙ РЕБУС

Разгадав ребус, вы прочтёте фронтонную поговорку. В рисунки справа — отгадки.

37. Герой романа Тургенева. 38. Турецкий порт. 39. Остров в Эгейском море. 40. Электрод. 41. Посуда. 43. Растение. 45. Степень постоянного напряжения мускулатуры. 46. Сульба. 47. Заострённая палка. 48. Чешский реформатор. 49. Повесть о гонимых. 51. Социальные науки. 53. Алкогольный напиток. 61. Название советской газеты. 63. Крестное музыкальное пришествие. 65. Геометрическая фигура. 66. Варёная смола. 67. Коммунистическое средство актёра. 69. Важнейший промышленный район СССР. 71. Укрепительный чай у запорожских казаков. 73. Геометрическая фигура. 74. Измерительный морской прибор. 75. Текстильный. 77. Герой известного произведения А. Дюма. 79. Преступник. 81. Клим. 82. Резьбовое изделие. 84. Египетская богиня. 86. Древний персидский царь. 88. Река во Франции. 90. Мужское имя. 92. Боевые лошади. 93. Край дельта союда или стужи. 96. Проведение. 97. Небольший ресторан. 98. Оконный переплет. 100. Сорг яблук. 102. Север. 104. Воспадение уха. 107. Река системы Амура. 110. Единица измерения электрического сопротивления.

ОТВЕТЫ К ЗАДАЧАМ, НАПЕЧАТАНЫМ В № 14

«Что это такое?»

1. Материя и энергия. 2. Солнечное тепло. 3. Атомы. 4. Магнит.

Фотогазета

На первый взгляд, на снимке изображены лишь причудливые деталиный аппарат. Но посмотрите на фото сбоку, повернув журнал налево, и вы увидите то, что он изображает и действительно, — парусные баржи, чётко отражающиеся в воде.

В НОМЕРЕ:

Е. ШЕВЕЛОВА — Победа.
Н. АСАНОВ — Свет под землёй.
М. МАТУСОВСКИЙ — Фриццы ведут.
А. КАЛИНИН — Чапан.
П. ТЫЧИНА — Гроза.
Крылатые — фоточерк Т. Маат.
Л. ОГНЕВ — Встреча на дорогах.
Молодые поэты. В. КОЛОВОВ — Живая вода. В лесу. Мак.
О. ПОЛЕВОЙ — Моё поколение.
Л. НИКУЛИН — Золотая звезда. (Продолжение).
М. ДОНСКОЙ, Г. КРАВЧЕНКО — В поисках нового Тамура.
Заметки о книгах.
Ижк. А. МОРОЗОВ — Остров парашютистов.
Кроссворд.
Рисунки художников Г. БАЛАШОВА, Г. ВАЛЬКА, Д. ДУБИНСКОГО, К. ЛАРИНА, И. МОЧАЛОВА.
На вкладки: «ТАЧАНКИ» — фотозвод В. ИГНАТОВИЧА.

Ответственный редактор — Борис ВОЙТХОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Прямды», 24. Тел. Д-3-34-24. Неверные рукописи не возвращаются.
Формат 21x110 см. 24 печ. л. См. в п. л. 68.000. Зак. 1842 Тираж — 30.000 экз. Мах № 575. А9258. Подписано и печатно 20/IX—44 г.

Типография газеты «Прямды» имени Оталына. Москва, ул. «Прямды», 24.

ПОКА ЕЩЕ В ШКОЛЕ...

«Стрела». С какой надеждой проносятся часто это слово раненый на поле боя... Тысячи молодых девушек-патриоток посвятили себя в дни войны благородному труду медицинской сестры. Об одной из московских школ медсестёр рассказывают печатные здесь страницы.

...Пока ещё в школе будущие медсестры делают сложные перевязки. Заботиться голову надо сделать быстро и уверенными руками. И дескуная часть, практикуются (сильно вверх, слева).
Сильное биологиче человека совершенно необходимо для медсестры. На снимке в центре — Р. Попова (слева) и М. Янина внимательно слушают и записывают лекцию.

Л. Нагильева сегодня впервые ассистирует хирургу Т. И. Болдышеву, делаяшей перевязки хром. Она овладела, дав и всякая иная, требует от сестры уверенности, точных движений, приобретённых практикой.

Учёбу за больными и ранеными обучает молодая сестра Р. Ковальчу и Р. Попова опытная медсестра М. А. Карас (справа). Я снимки (снимок).

Герои девушки считают школу медсестёр и уже самостоятельными — кто и тыловым госпитале, кто на фронте — принимают свои знания, будут служить маленькому делу возвращения к жизни раненых защитников Родины.

В разведке
Фото А. Раскина.

СМЕНА

Цена 2 руб.